

ИЗЪ РУССКОЙ ИСТОРИИ

ДВА РАЗСКАЗА

А. МАЙКОВА

I) Начало Москвы: о Святыхъ Московскихъ Митрополитахъ Петрѣ и Алексѣ и о славномъ Мамаевомъ побоищѣ.

II) Начало Восточнаго вопроса: взятіе Турецкимъ Султаномъ Магомедомъ II Константинополя. Москва—третій Римъ. Первые наступательныя дѣйствія Россіи на Мусульманъ.

ЦѢНА 50 КСР.

ВЫРУЧКА СЪ ИЗДАНІЯ ПОСЛУЖАЕТЪ

ВЪ ПОЛЬЗУ БАЛКАНСКИХЪ СЛАВЯНЪ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

ТИПОГРАФІЯ И ХРОМОЛИТОГРАФІЯ А. ГРАНШЕКА, СТРЕМНИНАЯ, № 12

1877

НАЧАЛО МОСКВЫ.

О св. Московскихъ Митрополитахъ Петрѣ и
Алексѣѣ и о славномъ Мамаевѣ побоищѣ.

Кто бывалъ въ Москвѣ, тотъ ужъ конечно первымъ дѣломъ считалъ пойти въ московскій кремль, помолиться въ соборахъ Успенскомъ и Архангельскомъ на гробахъ прежнихъ великихъ князей и царей русскихъ, и приложиться къ мощамъ святыхъ чудотворцевъ московскихъ митрополитовъ Петра, Алексѣя, Ионы и Филиппа.

Но пятьсотъ лѣтъ тому назадъ Москва не была такая большая, какъ теперь. Тогда это былъ маленький деревянный городокъ; на той горѣ, гдѣ теперь кремль, стоялъ небольшою княжескій теремъ, со службами да пристройками и съ одной деревянной церковкой во имя Спаса. Это та, что нынче называется Спасъ на бору. Кругомъ горы были покрыты еще густымъ лѣсомъ, и кой-гдѣ развѣ расчищены мѣста для пашни, да кой-гдѣ стояли слободы или деревушки. Въ городкѣ въ этомъ терему проживалъ одинъ князь, внукъ св. Александра Невского, Иванъ Даниловичъ, по прозванію Калита.

Митрополитомъ въ то время былъ св. Петръ, и митрополиты жили во Владимірѣ на Клязьмѣ, и Владиміръ былъ столицею великихъ князей. Обѣзжая свою паству, св. Петръ часто заѣзжалъ въ Москву къ князю Ивану Даниловичу. Полюбился ему этотъ князь. Въ маленькомъ городкѣ, въ бѣдномъ теремку, надъ Москвою-рѣкою, частенько, долго и по душѣ бесѣдовали князь со святителемъ о несчастныхъ дѣлахъ русской земли, какъ вся земля раздѣлена на мелкія княжества, какъ всѣ-то князья ссорятся другъ съ другомъ, никого не слушаются; татары вмѣшиваются въ ссоры ихъ, и идетъ повсемѣстная война и раззореніе. Митрополитъ говорилъ князю Ивану Даниловичу:

«Всѣхъ перевидалъ я князей и всѣхъ ихъ знаю; есть между ними и добраго нрава, да горячи и легкомыслены; вдаль не смотрять, а только думаютъ, какъ бы нынче прошло хорошо; думаютъ о себѣ, а не о народѣ, не о всей Руси. И отъ раздѣленія ихъ, вся-то Русь—пополамъ распалась: одна часть подъ Литву подпала, другая подъ Татаръ. А князьямъ и горя мало: отъ татарскаго насилія страдаютъ и воздыхаютъ, а о томъ не думаютъ, какъ бы дѣло повести такъ, чтобы хоть современемъ, дѣтямъ и внукамъ, совсѣмъ отъ татаръ избавиться. Изъ всѣхъ князей только ты, Иванъ Даниловичъ, нрава твердаго и ума великаго. Принимайся съ Богомъ за собираніе земли подъ одну руку твою. Ты бережливъ, казны у тебя много, и такъ тебя прозвали «калита», полный мѣшокъ. Скупай отъ князей села и города: имъ деньги нужны, за даромъ волости продають. И устройся такъ, чтобы у тебя народу было жить хорошо, и вародъ отовсюду къ тебѣ потянется. А я въ Москвѣ поселюсь и въ ней свой престоль митрополичій поставлю, и буду помогать тебѣ совѣтомъ и дѣломъ, и молитвами моими передъ Господомъ и Пресвятой Богородицей. Еще когда на родинѣ моей, въ землѣ Галицкой, удалился я въ пустыню, и потомъ помогъ мнѣ Господь устроить тамъ монастырь, и обѣзжалъ паству митрополитъ

Максимъ, и въ нашу землю пріѣхалъ, вышли мы, иноки, отъ него благословиться; и поднесъ я владыгѣ моей рукой написанную икону Успенія Божіей Матери; а написалъ я эту икону, какъ она явилась мнѣ въ сонномъ видѣніи. И принялъ ее митрополитъ и облобызалъ, и потомъ украсилъ ее золотомъ и камнями и всегда хранилъ въ кельѣ своей. По кончинѣ его выбрали меня, недостойнаго, митрополитомъ всея Руси, и поѣхалъ я къ патріарху въ Царьградъ на ставленіе. Оказалось, что въ то же время попустилъ Господь, игумень Геронтіѣ взявъ отъ того покойнаго владыки утварь святительскую и жезлъ, и икону Успенія, и отправился то же въ Царьградъ къ патріарху, думая обмануть его и получить митрополию всея Руси. Значить, сами того не зная, на разныхъ корабляхъ плыли мы къ Царьграду. Мнѣ былъ вѣтеръ попутный и плаванье тихое; я пріѣхалъ и былъ посвященъ съ санъ митрополичій патріархомъ, какъ вдругъ пріѣзжаетъ и Геронтіѣ, и какъ вошелъ къ патріарху, такъ и палъ ему въ ноги, и началъ каяться и просить прощенія. И разсказалъ онъ, что какъ плылъ онъ по морю, его постигла жестокая буря и всѣ думали, что ужъ погибнутъ. И впалъ онъ, Геронтіѣ, яко бы въ забытье; въ этомъ забытѣ явилась ему Божія Матерь и сказала: «напрасно трудишься, санъ святительскій достанется не тебѣ». И устрашилъ онъ, и положилъ, если Богъ его помилуетъ, жизнь оставить, то какъ пріѣдетъ въ Царьградъ, во всемъ покается патріарху. И Господь помиловалъ, и вотъ онъ принесъ и похищенную имъ утварь святительскую, и жезлъ, и икону, да приметъ ихъ тотъ, кому онѣ принадлежать по праву. И всѣ мы дивились неизрѣченному чуду; патріархъ простилъ Геронтію, видя слезы его, и всѣ мы купно прославили Господа и молили, да не оскудѣваетъ промыслъ Его надъ нами. Такъ икона моя опять перешла ко мнѣ, и ее-то хочу я поставить у тебя въ Москвѣ: да приметъ Царица Небесная подъ святѣйшій покровъ Свой, твои благія начинанія. Ты

же построй, во имя Ея, во имя Успения Пресвятой Богородицы, соборный храмъ, и пророчу тебѣ, что всели ты меня во всемъ послушаешь, то и самъ прославишься съ родомъ твоимъ больше другихъ князей, и городъ твой прославится надъ всеми русскими городами; святители послѣ меня будутъ жить въ немъ; руки его выйдутъ на плечи враговъ его, и Богъ прославится въ немъ.

Такъ бесѣдовавъ святители съ княземъ, и послушался его князь Иванъ Даниловичъ. И сталъ онъ закупать какъ можно больше земель отъ осѣдлыхъ князей; иныя, можетъ быть, знали его тайную думу оъ освобожденіи отъ татаръ, и сами, умирая, отказывали ему свои владѣнія. Отъ этого при немъ и при сыновьяхъ его, Московское княжество заняло все земли между Окой и Вѣльскою озерами и Сухоной, все нынѣшнія губерніи Можовскую, Ярославскую, Костромскую, и части Новгородской и Нижегородской; — и средняя Волга, отъ Углича до впаденія въ нее рѣки Ветлуга, вся протекала ужь по московскимъ землямъ. По Волгѣ же, да по Окѣ, шла съ давнихъ временъ вся судовая торговля Россіи изъ-за Новгорода, отъ Балтійскаго моря въ Азію, и обратно. Иванъ Даниловичъ устроилъ въ Мологѣ большую ярмарку; а какъ онъ всю землю свою постарался очистить отъ разбойниковъ, и по рѣкамъ учинилъ стражу, чтобъ не грабили товаровъ тамъ проходившихъ, и вездѣ устроилъ правильный судъ, а дѣла свои съ татарами велъ такъ, что они не показывались въ его владѣнія, и была при немъ на Руси «тишина великая», — то въ земли его стало переходить много народу изъ другихъ княжествъ; и народъ сталъ богатѣть отъ промысловъ и торговли; а самъ московскій князь сдѣлался черезъ то еще богаче и сильнѣе другихъ князей. И начали переѣзжать къ нему отъ другихъ князей самые знатные и умные бояре, и дѣлались ему помощниками, и вмѣстѣ съ нимъ стали думать тайную думу, какъ избавиться отъ Орды. И умеръ Иванъ Даниловичъ Калита, а дума его не умерла при сынѣ его

Симеонъ / Гордомъ. Умиралъ Симеонъ, и передъ смертью, передавая престоль свой брату, Ивану Ивановичу, отцу Дмитрія Донского, писалъ ему въ своемъ завѣщаніи: «Слушайся старыхъ бояръ; они отку нашему и намъ добра всегда хотѣли, слушайся затѣмъ, чтобы и свѣча не погасла». А это разумѣлъ онъ, подъ этою притчею, чтобы свѣча не погасла? А свѣча тутъ значитъ то дѣло, что задумалъ Иванъ Даниловичъ съ митрополитомъ Петромъ, и думу свою вложилъ въ сердце своимъ боярамъ, то есть освобожденіе отъ Татаръ.

«Не погасла свѣча» ни при двоихъ сыновьяхъ Ивана Даниловича, одинъ за другимъ княжившихъ въ Москвѣ, ни даже при малолѣтнемъ внуку его Дмитріи. Дмитрій, послѣ отца, остался младенцемъ; но именемъ его управляли Русью бояре московскіе, и, главное, св. митрополитъ Адексѣй. Они занимались дѣлами и въ Оуду бѣдиди; но былъ тогда еще святой мужъ, который, удаливъ отъ міра сего, въ глубинѣ лѣса дремучаго, въ тѣлжихъ веригахъ передъ Господомъ подвижался, да благословитъ Божь святое дѣло въ Москвѣ затѣянное; и строкою жизни своею подавалъ христіанамъ примѣръ, какъ удостоиться милости Господней. И (по троицкѣмъ къ св. Троицы, имъ построенной, частенько, пробирались къ нему князья и бояре, укрѣпившись духомъ, и посоветоваться о дѣлахъ; по всей Руси шла молва о его святой жизни и о чудесахъ, прославившихъ его и при жизни; ученики его разошлись по всѣмъ концамъ Руси, даже до далекой Черми, разнесли славу о его благочестіи и мудрости; и тогда народу валили къ его обителя послушать его поученія. Мужъ, затѣмъ былъ св. Сергій, изъ рославскихъ бояръ. Особелившимъ друзьямъ его былъ двоюродный братъ великаго князя Дмитрія Ивановича, Владиміръ Андреевичъ, который во всей жизни своей поступалъ по его совету, даже отказался отъ престола, послѣ Дмитрія, чтобы престоль московскій переходилъ въ одномъ семействѣ отъ отца къ сыну, и не было бы смуты и опора за наслѣдство. Къ Троицѣ прорубили потомъ мужъ большую

дорогу, и со всякимъ важнымъ дѣломъ ѣздили изъ Москвы за совѣтомъ и благословеніемъ къ Сергію; онъ мирилъ враждующихъ, обуздывалъ строптивыхъ, и, можно сказать, сіялъ мудростью и святостью на всю Русь, живилъ ее своимъ духомъ и обнималъ ее всю своимъ умомъ. Никогда въ русской землѣ не проявлялось столько благочестія; никогда ни прежде, ни послѣ, не построилось столько монастырей, какъ въ это время—отъ Петра митрополита, и при Алексѣѣ. Русь словно постомъ и молитвою готовилась къ чему-то великому. Митрополитъ Алексѣй питалъ великую дружбу къ Сергію, и самъ, при жизни своей, былъ прославленъ многими чудесами, изъ которыхъ самое великое было излеченіе, три года болѣвшей глазами, ханской жены Тайдулы. Самъ ханъ писалъ къ московскому князю: «Слышалъ я, что у васъ въ Москвѣ есть такой служитель Божій, который о чемъ Бога ни попросить, Богъ все даетъ ему. Отпусти его ко мнѣ, и если онъ исцѣлитъ любимую жену мою, то будетъ у меня съ вами миръ; если же не отпустишь, прійду войною»... Смутился св. Алексѣй. «Дѣло это превыше силъ моихъ», говорилъ онъ; но помолился Богу и отправился въ Орду. Тайдула ожидала его съ нетерпѣніемъ, и разъ, когда ужъ св. Алексѣй двинулся въ путь, видѣла она во снѣ приближающагося къ ней какого-то мужа, одѣтаго въ такія одежды, въ какія одѣвались русскіе священники, только великолѣпнѣе. Она запомнила эти одежды и велѣла такія изготовить. Пріѣхалъ Алексѣй и сталъ посѣщать болящую, и лечитъ ее, горячо молиться Богу и кропитъ болящую святой водою. Богъ не оставилъ его молитвы—и жена ханова прозрѣла. Святитель прославилъ чудо Господне, а Тайдула въ благодарность подарила ему изготовленные ею ризы и перстень, и мѣсто, принадлежавшее ей въ Москвѣ, на которомъ потомъ Алексѣй построилъ обитель въ честь архангела Михаила...

Эти-то святые мужи съ боярами московскими и наставляли юнаго Дмитрія, какъ управлять ему государствомъ, и были

ему вѣрными помощниками, когда онъ пришелъ уже въ возрастъ.

И вотъ, черезъ сорокъ лѣтъ по смерти Ивана Даниловича Калиты, пришлось въ первый разъ испытать Россію. готова ли она помѣряться съ татарами, испытать, много ли накопилось въ ней силы; пришлось провѣрить—такая же ли она, какъ была въ полтора ста лѣтъ передъ тѣмъ, когда въ первый разъ пришли татары и порознь разбили ея храбрыхъ князей и храбрыя ихъ дружины. Тутъ передъ глазами всей Россіи пришлось въ первый разъ оцѣнить, правое ли дѣло затѣялъ Иванъ Даниловичъ съ митрополитомъ Петромъ, начавъ подбирать земли русскія въ одни руки. Это испытаніе приключилось по случаю страшнаго нашествія Мамаева съ несмѣтной силой татарской. Теперь расскажу я вамъ, какъ это все было.

Дѣло въ томъ, что, по мѣрѣ того, какъ въ московскомъ княжествѣ силы прибывало оттого, что прибывало порядка, въ Ордѣ ея убывало оттого, что тамъ росъ безпорядокъ. Коли умиралъ какой нибудь ханъ, тотчасъ начиналась страшная рѣзня: послѣ одного хана Бердибека, сынъ его, напримѣръ, зарѣзалъ своихъ 12 братьевъ, да и самъ былъ убитъ. Московскіе князья пользовались этими смутами и выторговывали, чтобъ дани платить меньше; а случалось, что и по три года совсѣмъ не давали дани. Но ко времени Димитрія Ивановича въ Ордѣ проявился умный и грозный Мамай и всю Орду забралъ въ свои руки. Послалъ онъ рать на Россію, требуя дани какъ при первыхъ ханахъ; но Димитрій разбилъ эту рать на рѣкѣ Вожѣ. И какъ прибѣжали къ Мамаю разбитые его мурзы, онъ какъ звѣрь разъярился. «Ахъ вы холопы татарскіе,—кричалъ онъ,—видно забыли времена Батыевы: вотъ я вамъ ихъ напомяну! Камня на камень не оставлю, въ конецъ истреблю русскій народъ, чтобъ и слуху о немъ на землѣ не было». И сталъ онъ собирать большое войско; пригналъ, кромѣ своихъ, и армянъ, и черкесовъ, и всякихъ другихъ звятовъ, и всѣмъ говорилъ: «потрудимся немного, а ужъ всѣ

разобьѣть отъ русскаго золота. Готовился онъ къ войнѣ тихо; въ Москвѣ и не знали, какъ онъ перевалилъ за Волгу, и потому за Днѣпръ, и подходилъ уже къ землѣ рязанской.

Въ нынѣшней рязанской губерніи тогда былъ свой князь, по имени Олегъ. Княжество его тогда подходило одной стороною къ степямъ донскимъ, откуда и шли татары; другою стороною, подходило оно къ Литвѣ, а рѣкою Окой отдѣлялось отъ княжества Московскаго. Мамай подговорилъ и Литву присоединиться къ нему, чтобъ подѣлить Московское государство. Рязанскій князь находясь въ серединѣ, между тремя силами, не зналъ, что ему дѣлать, чтобъ спастись. Онъ послалъ сказать и Мамаю, и Литвѣ, что будетъ на ихъ сторонѣ, да и Димитрія увѣдомилъ, что идетъ на него страшная орда татарская, и что идетъ она тихо, дожидая Литвы.

Извѣстіе это не могло не исполнить Москвы. Но тамъ давно ужъ, словно ждали чего-нибудь такого: всё давно ужъ чувствовали, что нѣтъ-нѣтъ, а придется расчислаться съ Ордою, и, казалось, для того силы ужъ понакопилось довольно. Отъ этого великій князь тотчасъ принялъ рѣшеніе—не дожидать татаръ; напротивъ, подождать—не пустить ихъ въ свои земли, а скорѣе идти имъ на встрѣчу въ степи, и не дать соединиться съ Литвою. И вотъ, поскакали гонцы отъ Димитрія, и въ Новгородъ, и въ Псковъ, и къ тверскому князю; а къ подручнымъ князьямъ, и по городамъ, и по боярскимъ вотчинамъ, и до всѣхъ деревнямъ, чтобы всѣ, кто роденъ на службу, выходили бы постоять за землю Русскую, за нѣру православную. Тогда еще не было такой арміи какъ теперь; теперь Государь отдалъ по телеграфу приказъ, и приказъ въ ту же минуту получился въ каждомъ полку, бьютъ тревогу, и прики готовы, обученные и вооруженные; тотчасъ же выступаютъ въ походъ, гдѣ, летятъ на подводахъ, гдѣ по желѣзной дорогѣ. Но въ тѣ времена такихъ полковъ солдатскихъ не было. Отъ князей раздавались боярамъ и дворянамъ повѣстья съ тѣмъ, чтобы они изъ крестьянъ и всякихъ людей, выби-

рчи бы мелодцовъ, обучали бы ихъ ратному дѣлу, приучали бы ихъ въ оружію и въ ищему, и въ воинному строю; и какъ получатъ гонца, тотчасъ бы забирали хлѣба и шли бы на сборное мѣсто. И по городамъ былъ такой же урядъ; тамъ сидѣли княжескіе воеводы. Тогдашнее войско похоже было больше на нынѣшнее ополченіе. Огнестрѣльнаго оружія, ружей и пушекъ тогда тоже еще не было, а сражались копьями, мечами, саблями, рогатинами, палицами и пускали изъ луковъ стрѣлы. Когда соберутся такимъ образомъ отряды по областямъ, тогда большой бояринъ или подручный князь ведетъ свое войско или въ Москву, или куда великимъ княземъ уазвано. Тутъ ужъ ихъ росписываютъ по полкамъ: кому быть въ бодемъ полку, кому въ передовомъ, въ правой или лѣвой рукѣ. Конница отдѣльно, пѣхота отдѣльно. Дорогъ большихъ въ тѣ времена еще было мало и были плохи, а больше все ходили на стругахъ, по рѣкамъ, конница шла берегомъ; зимою шли по льду. На сей разъ войску великій князь велѣлъ собираться въ Коломнѣ.

Такъ, по слову великаго князя Дмитрія Ивановича ударили въ набатъ по всему его государству, возгласили въ церквахъ, что часъ пришелъ, во онъ же Господь даруетъ спасеніе Руси отъ тяжелой неволи татарской; раздался стукъ оружія, потянулись къ Коломнѣ со всѣхъ сторонъ ополченія. Въ Москвѣ, на рѣкѣ—то и дѣло трубили трубъ, возвыщавшія проходъ дружинъ. Подходили на судахъ, подмодили шедшіе, и конница благословляла ихъ и вронила святою водою митрополитъ Кидріянь, и направлялись они къ Коломнѣ, куда, между тѣмъ, подоспѣвали и другія войска по Окѣ, и сверху, и снизу. Урядивши все къ боярами и князьями, великій князь чередъ отъѣздомъ на войну, поѣхалъ благословиться на великій подвигъ къ Сергію: все-таки ему страшно было, чтобы въ случаѣ неудачи, не потерять бы того, надъ чѣмъ трудились его отецъ, дядя и дѣдъ. Но Сергій словомъ своимъ утѣшилъ колебанія его души и предрекъ ему побѣду; пригла-

силъ на трапезу и далъ ему отъ себя двоихъ мужей. уже схими пріившихъ: Александра Пересвѣта и Андрея Ослябю. Они въ міру были знаменитые витязи; преподобный повелѣлъ имъ снова надѣть бранные доспѣхи и нашиль кресты на схи-мы ихъ, сказавъ: «сіе будетъ вамъ крѣпче всякихъ шеломовъ».

Съѣздивъ къ Сергію, Дмитрій простился съ семействомъ своимъ и поѣхалъ въ Коломну, куда уже собрались 150,000 войска. Это было войско только его государства, да подручныхъ ему князей; ни Тверской князь, ни Исковъ, ни Новгородъ не прислали ему помощи. Псковичи и новгородцы отговаривались потомъ, что все-равно не успѣли бы. Зато пришли два племянника литовскаго князя съ крѣпкой дружиной полоцкой и брянской; хотя и были они родомъ литвины, но были православные и кажется были женаты на русскихъ княжнахъ. 20 августа Дмитрій выступилъ изъ Коломны. Шли Окой до рѣки Лопасны и повернули къ Дону; 6 сентября подошли къ Дону, а 7-го по-решли его и стали близъ рѣчки Непрядвы, на отлогихъ высотахъ. откуда открывалось обширное поле Куликово. Несмѣтная рать татарская уже видна была съ другой стороны поля гдѣ возвышалась гора: на горѣ стоялъ самъ Мамай. Великій князь ѣздилъ по полкамъ, устраивалъ ихъ, указавъ, гдѣ стоять большому полку, гдѣ сторожевому; а двоюроднаго брата и вѣрнаго друга своего Владиміра Андреевича, князя серпуховскаго, поставилъ скрытно за лѣсомъ въ засадѣ, наказывая ему ударить въ тылъ татарамъ, если они начнутъ одолѣвать. Любо было смотрѣть Дмитрію на свое воинство! Весело вѣяли знамена; князья, бояре и воеводы стояли при полкахъ своихъ или, устраивая ихъ, носились на лихихъ коняхъ съ золоченой сбруей, на богатыхъ сѣдлахъ, имѣя на головахъ золотые и серебряные шлемы, желѣзные кольчуги на груди. Ратники, готовясь къ бою, всѣ какъ бы идя къ святому причастію, одѣли бѣлыя рубахи и лучшія одежды: всѣ рады были за Христа и святую Русь испить чашу смертную—и вотъ въ этотъ же часъ подоспѣлъ отъ св. Сергія посланецъ-инокъ

и привезъ отъ него Димитрію просвиру и благословеніе войску: склонились знамена, сняли шелома воины, и шопоть молитвы побѣждалъ по рядамъ.

Наступила ночь. Воины прилегли на ночлегъ. Ночь эта приходилась на Рождество Богородицы, была тихая, звѣздная: только съ одной стороны неба подымалась мгла, предвѣщавшая на утро туманъ. Великая была эта ночь: много потому рассказывалось чуднаго, что подъ покровомъ ея совершилось. Димитрій, удалась въ шатерь свой, то молился, то высылалъ сдѣлать какое нибудь распоряженіе. Ему не спалось: очень онъ чувствовалъ, что завтрашній день онъ одинъ въ отвѣтъ за судьбы Россіи... Не спалось и многимъ ратнымъ людямъ и военачальникамъ. Былъ, между прочими, у Димитрія знаменитый бояринъ; пришелъ онъ къ нему изъ южной Руси, съ Волыни, именемъ Боброкъ. Ночью онъ поѣхалъ по рядамъ, и въ полночь заѣхалъ къ великому князю, видя у него свѣтъ. Боброкъ понималъ его безпокойство и хотѣлъ сообщить ему свои кой-какія добрыя примѣты о завтрашнемъ днѣ. Онъ пригласилъ князя сѣсть на коня и поѣхать съ нимъ. Сѣли они на коней, выѣхали изъ лагеря и поскакали по полю Куликову: на серединѣ между русскихъ и татарскихъ полковъ Боброкъ остановился. «Слушай, и скажи, что ты услышишь на татарской сторонѣ», сказалъ онъ князю. Прислушался великій князь и отвѣчалъ: «Слышу стукъ и кликъ, словно базаръ идетъ; слышу еще, словно волки воютъ и птицы летаютъ, вороны каркаютъ и орлы клещутъ». — «Послушай теперь на русскую сторону», сказалъ Боброкъ. Димитрій послушалъ и сказалъ: «Тишина великая, только отъ огней словно зарево». — «Знаменья добрыя, объяснилъ Боброкъ; вотъ что это значить: что волки воютъ и птицы степныя въ непривычную пору всполошились—значить, чуютъ добычу, быть великому побоищу. Шумъ со стороны татаръ—значить, нестроеніе; тишина съ нашей стороны—значить, порядокъ и благодать Божія въ сердцахъ людей; а гдѣ благодать Божія, тамъ

и побѣда. Есть у меня и другія примѣты: и по нимъ скажетъ, что будетъ тебѣ на врага подолѣнне, но много падеть воинства христіанскаго...

Раздѣхались они по своимъ шаграмъ; воины спали въ полѣ. Инокъ Сергіевъ, подъ открытымъ небомъ, всю ночь стояли на молитвѣ надъ спящимъ лагеремъ. Но не всемъ воинамъ спалось. Съ нѣкоторыми приключилось нѣчто такое, что они потелоковавъ съ товарищами, рѣшили прямо пойти къ великому князю и объявить ему. И докладывають Дмитрію, что трое ратниковъ пришли къ нему за очень важнымъ дѣломъ; и велѣвъ ихъ допустить великій князь. И сталъ одинъ разсказывать: «Меня зовуть Ома (Боцюгей) стоялъ я въ сторожкахъ противъ татарскаго стана, и было мнѣ видѣнне: отъ восточной стороны вижу идеть словно воинство великое; вдругъ, на это воинство съ полуденной стороны идутъ два свѣтлые юноши, въ доспѣхахъ воинскихъ и съ мечами, и начали они воинство это рубить и словно восклицаютъ: кто вамъ велѣлъ погублять отечество наше? и како изрубили, а прочіи отогнали». А мнѣ сталъ разсказывать другой, прилегли было и вдругъ я взглянулъ къ небомъ и вижу что въ воздухѣ со стороны степи, идеть словно великое множество черныхъ воиновъ на коняхъ и на колесницахъ, и вдругъ появились словно въ свѣтительскихъ рядахъ мужъ съ военнымъ жезломъ въ рукѣ, и тоже словно воскликнулъ: «Что прищли погублять стадо мое?» и устремился на нихъ съ жезломъ своимъ—и всѣхъ ихъ разогналъ. И толкнувъ товарища, онъ тоже увидаль, и сказалъ мнѣ: «это видѣно мной, какъ угодно въ Божій святій Цепрь митрополитъ». И оба мы испугались и пока толковали, подходятъ къ намъ Ома (Боцюгей) и разсказываль, что ему привидѣлось. Мы имъ положили такъ дѣлать прямо пойти и доложить тебѣ». И выслушавъ ихъ великій князь, перекрестился и сказалъ: «Праціуру моему свя. Александру Невскому, помогни побѣдить шведскую рать, свягы угодники Божіи, убіенные нечестивымъ Святополкомъ, благо-

вѣрные князья святые Борисъ и Глѣбъ; не они ли подвижились и нынѣ намъ на спасеніе? А святой Петръ митрополитъ неуспыно молится за Русь передъ престоломъ Всевышняго. Помолимся и мы ижъ, братья, чтобы помогли они намъ въ сей великій день. Ступайте теперь съ Богомъ, отдохните, и никому не разказывайте, что видѣли. Аки гонимые въ Иерусалѣ тайственная ночь. Жарная внутренняя молитва укрѣпила духъ воиновъ, оцѣпъ стали ко своимъ мѣстамъ. Не густой мѣсенній туманъ покрывадъ поле. Димитрій възбужая на холмы, но тиетно съвозъ туманъ старался оглѣдѣть войско свое въ поле. Идти должна была рѣшиться поудба дня. Въ девять часовъ утра потянуль наконецъ вѣтеронъ, прогнавше солнцу и сквозь уносящихся клубами туманъ, открыла съ Димитрію на далешее пространство, сверкающее оружіемъ, въ порядкѣ съ распушенными знаменами, стоящее его войство. Туманъ совсѣмъ разсѣлся, и увидѣлъ великій князь, что съ пикетиволожной стороны на горѣ стоитъ высокій шатеръ. Мамаевъ. Словно чудовищная птица подыла свою голову и смотритъ на русскую рать и широко развернула свои темныя крылья. Это была рать татарская, которая какъ тѣнь отъ тучи, подвигалась на долъ Куликовомъ на русское войско. Казалось Димитрію, что полкамъ татарскимъ и конца нѣтъ, и что они вдвое многочисленнѣе русскихъ. Двинулись и наши, обѣ рати начали стаяновиться одна противъ другой. Великій князь ѣздить по полкамъ, увѣщевалъ воиновъ постоять за землю русскую, за вѣру православную. «Памятуйте, братцы, говоритъ онъ, что теперь вся Русь за насъ молится, святые угодники и чудотворцы російскіе надъ нами бодрствуютъ, а преподобный Сергій прислалъ намъ вчера же предрѣченіе побѣды». Ужъ нѣсколько коней притомилъ онъ, и пересаживался на свѣжаго. Онъ былъ высокаго роста, тучень тѣломъ, лицо имѣлъ открытое, черныя волосы и окладистую черную бороду. Наконецъ подъѣхадъ онъ въ ставкѣ своей, гдѣ стояло большое великокняжеское черное знамя; и стали бояре и воеводы уговаривать его остаться тутъ въ

безопасномъ мѣстѣ, за густыми рядами войска. «Нѣтъ, отвѣчалъ Димитрій,—я хочу быть впереди, а если вы опасаетесь, что войско, не видя меня подъ чернымъ знаменемъ, усумнится, то пусть одѣнетъ кто-нибудь изъ васъ мои великокняжескія одежды и станетъ въ серединѣ полковъ, подъ моимъ чернымъ знаменемъ: пускай войска и принимаютъ его за меня; меня же не удерживайте; на мнѣ былъ починъ, мнѣ и отвѣтъ за все дѣло. Мнѣ и биться въ передовыхъ». И вызвалъ онъ своего любимаго боярина Бренка и сказалъ ему: «Ты, Бренко, всегда твердъ и спокоенъ; я же горячъ; ты, пожалуй, и лучше меня съумѣешь распорядиться, когда пойдетъ свалка». И надѣлъ онъ на Бренка, своего боярина, свои одежды, а самъ, переодѣвшись простымъ воиномъ, въ желѣзномъ шлемѣ, въ кованыхъ латахъ, отправился въ передовую дружину.

Войска, между тѣмъ, стояли ужъ близко другъ противъ друга. Изъ татарскихъ полковъ выѣхалъ огромнаго роста богатырь, широкій въ плечахъ и свирѣпаго вида; ѣздилъ онъ и насмѣхался надъ русскими полками, вызывая на единоборство охотниковъ и глумясь, что никто не осмѣливается. И увидалъ его Сергіевъ инокъ Пересвѣтъ. «Не смущайтесь братцы,—крикнулъ онъ своимъ—великъ Богъ нашъ и велика крѣпость Его: перевѣдаюсь-ко я съ нечестивцемъ», сказалъ онъ, и понесся на него на конѣ своемъ, — самъ тоже высокаго роста, въ желѣзныхъ доспѣхахъ, имѣя на племѣ своемъ черную схиму съ напительнымъ на ней, рукою святаго Сергія бѣлымъ крестомъ. Развѣхались они на коняхъ, и потомъ понеслись другъ на друга: ударъ былъ такъ силенъ, что оба пали мертвые, а равно и кони ихъ.

Тогда Димитрій сказалъ: «сіе мѣсто буди намъ гробъ за имя Христово и за вѣру христіанскую—впередъ!» И полки наши бросились на татаръ, и заволиновалось все поле Куликово, и густая пыль поднялась надо всемъ полемъ и скрыла то страшное, что на немъ происходило...

Двоюродный братъ Димитріевъ Владиміръ Андреевичъ да воевода Боброкъ, тотъ самый, что ночью прѣхалъ къ великому князю, стояли въ засадѣ въ скрытомъ мѣстѣ, за лѣсомъ. и смотрѣли на битву; пыль закрывала передъ ними поле и не позволяла видѣть, кто одолеваетъ; слышали только отдавленный гулъ сѣчи. словно реветъ невидимое море, стоить стоять въ воздухѣ, а земля гудитъ. Жутко имъ было. Прощель второй и третій часъ; стало Владиміру примѣтно, что татарская сила словно все впередъ подается, и бой все углубляется въ нашу сторону. «Что же, братъ, попусту стоимъ мы, сказалъ наконецъ Владиміръ Боброку; пожалуй, намъ и помогать будетъ не кому, какъ всѣ наши полягутъ мертвые». Въ это время потянулъ имъ въ лицо вѣтеръ съ поля битвы и понесъ густую пыль имъ въ глаза. «Погоди еще», отвѣчала Боброкъ. Не хотѣлъ онъ ударить, потому что изъ-за пыли нельзя было вѣрно рассмотреть гдѣ наши, гдѣ татары. Пожалуй бы ринулись наудачу, наткнулись бы на своихъ. Но вотъ, въ три часа вѣтеръ подулъ въ тылъ нашей засадѣ и попріоткрылъ передъ Владиміромъ и Боброкомъ завѣсу пыли. Глянулъ Боброкъ и кликнулъ: «Ну, князь, теперь настала часть! Съ Богомъ теперь, братцы!» и съ крикомъ весь отрядъ кинулся въ свалку.

Татары—къ тому часу, почти совсѣмъ ужъ одолѣли нашу рать и вдругъ увидѣвъ свѣжіе полки, выходящіе изъ-за лѣсу и съ горъ на нихъ несущіеся, подумали, что «вотъ оно главное-то войско русское! Дали намъ русскіе поутомиться, а сами лучшихъ князей и воеводъ спрятали да берегли, и теперь выпускаютъ на насъ, когда ужъ мы устали, когда кони наши и руки наши уже оцѣпенѣли, и оружіе иступилось»... И стали они кидать мечи и копья, и побѣжали назадъ. Ободрились наши, и присоединились къ Владимірову отряду, налегли на татаръ, и давай рубить бѣгущихъ. Увидѣлъ съ возвышенія Мамай, что дрогнули силы его и что въ полѣ Куликовомъ, словно волна назадъ отхлынула и быстро-быстро на него са-

маго несется, самъ поскорѣй сѣсть на коня, и шатеръ свой
 бросилъ, и побѣжалъ. Князь Владиміръ съ Боброкомъ, со
 всѣми своими полками свачуть, и бьютъ, и рубятъ; встрѣчи-
 лась рѣка Меча, бросились татары вплавъ; много множе-
 ство ихъ потонуло отъ страха великаго и русскихъ мечей. По-
 то Туть на рѣкѣ Мечѣ остановился коней своихъ Владиміръ
 и Боброкъ и повернули полки назадъ; видѣли, что сила тат-
 тарская яко овѣвъ расцѣла, яко оуды расцѣла, замочѣли
 посмотрѣть, чюдъ сталося великаго войскомъ русскимъ. На-
 правились они къ славкѣ великокняжеской; вѣхали по тру-
 памъ надесяты верстѣ рѣжати мертвыи и раненыи. Сперва
 встрѣчались тѣмъ татарскимъ, и потомъ татарскія и русскія,
 что дальше, то лучше — гдѣ рядами, и словно тѣсно впрохненѣ,
 гдѣ кучами; какъ конныи, и конскія, и оловѣчскія отрусы,
 смѣшались тѣмъ христіанскімъ съ тѣмъ татарскимъ и вровъ.
 христіанская смѣшалась съ татарскою. Испуганные кони безъ
 всадниковъ носилась по полю; и теньяи раненце имъ молили о
 помощи. Видно было тѣсно было поле Куликово, и недѣль бы-
 ло развернуться оубоймъ и воинствамъ, и рубились, и рѣзались
 зло; въ тѣвотѣ и давѣ. Пробрался наконецъ Владиміръ съ
 своею дружиною въ ставкѣ великокняжеской; тутъ, видно, бой
 былъ упорный: черное знамя лежитъ подрублено, подъ нимъ
 и рубленный ому; въ великокняжескихъ доспѣхахъ лежить
 бояринъ Бренокъ. А самого великаго князя нѣтъ нигдѣ.
 Сталъ Владиміръ на костяхъ, и приказалъ трубить въ трубы.
 Промко раздались трубы въ умоленіемъ полѣ Куликовомъ, и
 стали со всѣхъ сторонъ подходить оставшіеся въ живыхъ ра-
 тники и о кучками, и по одиночѣ, и цѣлю, и раненые, кто
 могъ ходити. Но великаго князя не было. Стали разспраши-
 вать оиновы; одни говорили, что видѣли, какъ подъ нимъ
 былъ убитъ конь, и онъ сядиля на другога; кто говорилъ,
 что это онъ пересаживался ужъ на третьяго коня; иной ска-
 зывалъ, что видѣлъ его раненаго въ трупяхъ; другой гово-
 рилъ: «я видѣлъ, какъ на него палало четверо татаръ, онъ

бился, и побѣжалъ. И бросился къ нему на помощь, да на самого меня наскочило трое татарь». Приказалъ Владиміръ вездѣ искать его, и самъ поѣхалъ. И вотъ два костромича Федоръ Морозовъ да Федоръ же Холоповъ нашли его при опушкѣ лѣса, лежащимъ подъ только что срубленнымъ деревомъ. Латы его всѣ были изсѣчены, избиты и измяты, весь онъ былъ кровью обрызганъ, но самъ еще живъ, только въ безпамятствѣ: видно нашли его на полѣ въ безчувствіи какіе нибудь воины, приняли за убитого и по обычаю, до сихъ поръ сохраняющемуся, срубили дерево и прикрыли князя его вѣтвями. И должно быть сами спасители его потомъ убиты были, потому что никто не могъ рассказать, какъ Димитрій въ обморокъ могъ очутиться подъ прикрытіемъ: но не разъ, должно быть, Димитрій молился потомъ за своихъ безвѣстныхъ спасителей.

Окликнулъ Владиміръ и привелъ въ чувство Димитрія, своего возлюбленнаго двоюроднаго брата: «Братъ милый! на насъ милость Господня, мы побѣдили!»—«Кто говоритъ мнѣ?» томнымъ голосомъ спросилъ Димитрій, и очнувшись увидѣвъ радостныя лица воиновъ, поднялся на ноги, обнялъ брата и возблагодарилъ Господа за побѣду. Ранъ на немъ не оказалось; должно быть, онъ былъ ошеломленъ сильнымъ ударомъ въ голову. И поѣхалъ обозрѣвать поле Куликово и отыскивать, нѣтъ ли еще живыхъ между мертвыми. Нашли тѣло Пересвѣта подлѣ богатыря татарскаго; нашли восемь князей бѣлозерскихъ: всѣ лежали убитые другъ подлѣ друга... и много другихъ князей и бояръ, и когда стали считать живыхъ, изъ всего войска насчитали только 40.000. Поплакавъ надъ падшими, великій князь сказалъ живымъ: «Господа и отцы, и братія, и чада моя! Благодарю васъ ото всей земли, что потрудились и славно послужили ей. Если дастъ Богъ мнѣ быть на моей отчинѣ на великомъ княженѣ, на Москвѣ, всѣхъ одарю васъ и пожалую. А теперь похоронимте брать-

евъ нашихъ, пріавшихъ на полѣ семь вѣнцы мученическіе». И простоялъ Димитрій тамъ на полѣ Куликовомъ еще восемь дней, пока разбирали тѣла убитыхъ. И отслуживъ наконецъ по всѣмъ панихиду, поднялся онъ домой, въ Москву. Въ Коломнѣ епископъ, духовенство, всѣ люди встрѣтили его съ крестами и иконами; по дорогѣ вездѣ высыпалъ ему на встрѣчу народъ и со слезами называлъ его спасителемъ земли русской; въ Москвѣ такая же встрѣча ожидала его и брата его Владиміра Андреевича, и все воинство: со всѣхъ церквей ударили колокола, далеко за городъ вышли митрополитъ Кипріанъ со всѣмъ св. соборомъ, семейства княжескія, народъ, жены и дѣти... Митрополиту Алексію не суждено было видѣть этого торжества, къ приуготовленію котораго много потрудился и онъ: онъ преставился въ 1378 г. за два года до нашествія Мамаю, въ глубокой старости, 78 лѣтъ, пробывъ 24 года на митрополитчѣй каедрѣ. Уже чувствуя приближеніе кончины, онъ отслужилъ литургію, причастился святыхъ даровъ, о великомъ князѣ, о великихъ князьяхъ и боярахъ, о воинствѣ и всѣхъ православныхъ христіанахъ помолился, далъ всѣмъ послѣднее цѣлованіе и угасъ. Вступивъ въ Москву, Димитрій прямо направился въ Успенскій соборъ поклониться иконѣ Успенія Божіей Матери, писанной митрополитомъ Петромъ, и гробамъ святителей Петра и Алексія. Потомъ тогчасъ поѣхалъ къ Сергію и одарилъ монастырь вотчинами. и возвратяся въ Москву, задалъ пиръ всѣмъ своимъ сподвижникамъ. Веселіе было великое. Всѣ славили Бога и Димитрія Ивановича, и приравнивая его къ Александру Невскому, назвали его Донскимъ, какъ того Невскимъ, а брата его Владиміра Андреевича—Храбрымъ. Такъ за ними эти прозвища и остались на послѣдующія времена. Такое же широкое пошло и по всѣму Московскому государству: вездѣ чествовали возвратившихся въ живыхъ ратниковъ, какъ побѣдителей. Плакали по убитымъ, но утѣшались тѣмъ, что всѣ они приняли вѣнцы мученическіе. Одинъ ратникъ рассказывалъ, что онъ, во время битвы, когда татары

ломилы главныя силы наши, впалъ яко бы въ изступленіе, и видѣлъ безчисленное множество вѣнцовъ съ неба сходящихъ на убіенныхъ христіанъ. И было тогда установлено на вѣчныя времена праздновать память сложившихъ животь свой на Куликовомъ полѣ, въ Дмитровскую субботу. Очпулась русская земля и высоко поднялъ голову народъ по всей державѣ Московскаго великаго княжества, впервые ощутивъ свою силу и почувявъ на себѣ благословеніе Божіе.

Но съ пораженіемъ Мамаю, еще не кончились наши бѣды отъ татаръ. Азія не вдругъ согласилась выпустить изъ рукъ своихъ Русь. И сама-то Русь еще не вошла во всю свою силу: въ роковую годину — Рязань ей измѣнила, Тверь, Псковъ и Новгородъ не прислали помощи. Азія еще разъ при Донскомъ, да два раза при сынѣ его высылала изъ внутри себя страшныя орды страшныхъ завоевателей: Тохтамыша, Эдигея и Тамерлана, изъ коихъ первые двое подходили подъ самую Москву и жгли ее; Тамерланъ же подходилъ только къ рязанской землѣ, и повернулъ назадъ, уstraшенный, какъ говорятъ наши лѣтописи, видѣніемъ. Это было уже при сынѣ Димитрія Донскаго. Вдругъ пришла вѣсть, что идетъ на насъ свирѣпый завоеватель, что ужъ онъ покорилъ чуть не всю Азію, сокрушилъ турецкаго султана Баязета и возить его вездѣ съ собою въ желѣзной клѣткѣ, и что идетъ онъ на насъ въ страшныхъ силахъ, со всѣми покоренными имъ народами. Перенолохъ былъ великій; войско не собрано; оставалось только прибѣгнуть къ помощи небесной, — и послали во Владиміръ перенести въ Москву икону Владимірской Божіей Матери. И въ лѣтописяхъ нашихъ записано, что въ ночь на шестевіе ея въ Москву, Тамерланъ, стоявшій тогда въ Ельцѣ, увидѣлъ сонъ: видѣлъ онъ великую гору, и шли съ горы святители и грозили ему златыми жезлами своими, а надъ ними въ воздухѣ, въ сіяніи, стоитъ благолѣпная жена въ багряныхъ ризахъ и тоже гнѣвно грозитъ ему... И по утру, страшный завоеватель до сихъ поръ не вѣдавшій пре-

градъ въ пути своемъ, — повернулъ назадъ отъ предѣловъ россійскихъ, въ степи. Окончательно избавились мы отъ грозы татарской только при правнукѣ Димитрія Донского, Иванѣ III Васильевичѣ, но при немъ уже почти вся русская земля на сѣверѣ была собрана подъ его руку — и Тверь, и Новгородъ, да скоро потомъ и Псковъ, и Рязань.

НАЧАЛО ВОСТОЧНАГО ВОПРОСА.

Взятіе турецкимъ султаномъ Магометомъ II Константинополя.—Москва—Третій Римъ.—Покореніе, при царѣ всея Руси Иванѣ Васильевичѣ Грозномъ, мусульманскихъ царствъ: казанскаго, астраханскаго и сибирскаго.

1. Взятіе турками Константинополя.

Встари, какъ только крестилась русская земля, у насъ тотчасъ установились самыя дружескія сношенія со всѣми православными царствами—съ царствомъ Болгарскимъ, Сербскимъ, и особенно съ царствомъ Греческимъ. Болгары и сербы—того-же славянскаго племени, какъ и русскіе; языкъ ихъ и теперь мало чѣмъ отличенъ отъ нашего церковнаго. Они крестились за сто лѣтъ прежде Руси, а потому у нихъ много священныхъ и историческихъ книгъ давно ужъ было переложено на славянской языкъ—и книги эти переходили и къ намъ. Изъ этихъ-же болгаръ и сербовъ были поставлены первые наши священники, да и потомъ ихъ всегда много приходило на Русь, и многіе изъ нихъ выбирались у насъ и въ митрополиты. На Руси всегда знали, что въ тѣхъ земляхъ дѣлается; тамошнія событія всегда записывались въ наши лѣтописи рядомъ съ нашими и съ греческими, и читались и заучивались грамотными людьми. Словомъ сказать, эти народы жили съ нами въ самой тѣсной связи, а церкви ихъ, т. е. церковью болгарская, сербская, да еще волошская (въ нынѣшней Мол-

дави и Валахи) и наша. всѣ православныя, были между собою какъ сестры,—процвѣтшія подъ сѣнью общей матеря своей—церкви константинопольскоѣ.

Константинополь же, или иначе Царьградъ, былъ для всего Востока какъ бы великою столицею, откуда исходилъ свѣтъ всякой премудрости и въ дѣлахъ вѣры, и во всякой наукѣ. Онъ у всѣхъ считался священнымъ городомъ, потому что и заложенъ-то былъ своимъ строителемъ, римскимъ императоромъ Константиномъ Великимъ, на освященной землѣ, во знаменье окончательной побѣды христіанства надъ древнимъ язычествомъ. До Константина Великаго, римскіе императоры, еще язычники, жили въ Римѣ, въ Италіи, и это считается первый Римъ. Рассказываютъ, что когда Константинъ Великій крестился, то во снѣ онъ слышалъ гласъ, дабы построилъ онъ новый Римъ, на мѣстѣ близъ древняго городка Византіи. Мѣсто это было прекраснѣйшее, на семи холмахъ; тамъ росли высокіе кипарисы и круглый годъ цвѣли розаны; небо всегда ясное, воздухъ теплый; а выходило это мѣсто на проходъ изъ Мраморнаго моря въ Черное, такъ что къ нему со всѣхъ сторонъ могли приходять корабли. Константинъ Великій заложилъ стѣны съ башнями, рвами и воротами, построилъ дворцы и храмы Божіи, приглашалъ и вельможъ своихъ строить чудныя палаты,—и въ короткое время, на семь прекраснѣйшемъ, благословенномъ мѣстѣ, выстроился великолѣпный городъ, куда собраны были рѣдкости и диковинки со всего свѣта, особенно же предметы, священные для христіанъ. Во храмы свезены были и хранились: нерукотворенный ликъ Спасителя на полотенцѣ, поясъ и ризы Богоматери, и части отъ древа Креста Господня, найденнаго въ Іерусалимѣ матерью Константина Великаго, св. царицею Еленою, и столбъ, къ которому привязанъ былъ Господь Іисусъ Христосъ, когда биевъ былъ, и всякія орудія, которыми мучимы были первые исповѣдники Христовы, и цѣпи, коими прикованы были въ темницахъ, и

одръ желѣзный, на коемъ были сожигаемы. Втеченіе времени наполнились храмы многими чудными иконами, мощами и гробницами святыхъ мужей и самого царя Константина и матери его Елены, Іоанна Златоуста, Григорія Богослова, Аванасія Великаго и другихъ. Благочестивые странники всякаго языка и племени стремились въ Константиновъ градъ, и цѣлыя недѣли проводили въ осмотрѣ богатствъ, святынь и чудесъ его и, въ изумленіи, прозвали его Царьградомъ. Русскихъ много всегда туда прѣзжало и приходило—и по торговымъ дѣламъ, и по посольскимъ, и особенно по благочестію. Многіе Русскіе тамъ и жили, многіе постригались въ греческихъ монастыряхъ для прохожденія суроваго житія тамошнихъ монаховъ, особенно на святой горѣ Аѳонской, неподалеку отъ Константинополя; у Русскихъ тамъ былъ, и теперь есть русскій монастырь св. Пантелеймона, и содержался на приношенія изъ Руси. Не помня себя отъ изумленія, обходили наши путники зданія города, дивились красотѣ его постройки и мѣста, выходящаго на два моря; дивились пышности и блеску царскаго двора; присутствовали при духовныхъ и придворныхъ церемоніяхъ; на церемоніяхъ этихъ видали императора во всемъ его царскомъ облаченіи и взирали на него какъ на первѣйшаго во всемъ мірѣ чловѣка, богоизбраннаго поборника и защитника святой Церкви. Они свободно допускаемы были къ патріарху, и, принявъ его благословеніе, выходили отъ него, славя его ласковое вниманіе къ нимъ, простымъ людямъ. Но болѣе всего ихъ приводилъ въ радостный, священный трепетъ—храмъ св. Софіи Премудрости Божіей, о которомъ еще посланные великимъ княземъ Владиміромъ бояре говорили, что «когда они стояли въ немъ, то не знали, на землѣ или на небѣ они находятся, и что тамъ Богъ явно съ людьми пребываетъ». Таковъ вышелъ эготъ новый городъ, сіявшій мраморомъ и золотомъ, построенный Константиномъ Великимъ, называемый Новымъ Римомъ, или Вторымъ Римомъ, или по имени строителя—Константинопо-

лемъ, т. е. Константиновымъ градомъ. или по красотѣ и святости его—Царьградомъ, или наконецъ отъ прежде бывшаго около него мѣста—Византіей. Таковъ онъ былъ, что люди словно не находили ему довольно звучнаго и достойнаго имени, и надавали ему нѣсколько именъ, одно красивѣе другаго.

И вотъ, втеченіе времени, все хуже и хуже стали приходять въ Москву вѣсти изъ греческой земли, и изъ сербской, и изъ волошской—вѣсти о томъ, что ихъ все болѣе и болѣе тѣснятъ Турки. Вдругъ въ 1382 году пришло извѣстіе: прѣѣхали и съ плачемъ рассказывали въ Москвѣ сербскіе люди, что царству ихъ пришла конечная гибель, что славный царь сербскій Лазарь поднялся всею землею на Турковъ, и былъ разбитъ турецкимъ султаномъ Амуратомъ. Оба воинства сошлись на равнинѣ, называемой Коссово поле. У царя Лазаря былъ храбрый воевода, именовъ Милошъ, лѣтами еще младъ, но уже столь знаменитъ и славенъ, что ему стали завидовать многіе царедворцы, старые воеводы. Они—наканунѣ самой битвы и шепнули царю Лазарю за ужиномъ, что Милошъ хочетъ передаться туркамъ. Слухъ дошелъ до Милоша, и вотъ на что онъ рѣшился: ночью ушелъ онъ изъ своего стана, прошелъ въ турецкій лагерь, и сказалъ, что онъ славный воевода Милошъ, и что желаетъ измѣнить своему царю и служить турецкому султану, а для того—молъ, хочеть его видѣть. Рано утромъ его провели къ Амурату. Оба войска уже стояли другъ противъ друга, и готовы были броситься въ бой. Милошъ, допущенный передъ очи султана, объявилъ, что имѣеть нѣчто сообщить ему тайно. Султанъ велѣлъ всѣмъ отойти. Тогда Милошъ вдругъ обнажилъ свой мечъ и вонзилъ его прямо въ сердце султану. Видя это, турки тотчасъ изрубили въ куски безстрашнаго слугу царя Лазаря. Но кровь его не принесла пользы сербамъ. Турки тотчасъ провозгласили султаномъ Амуратова сына Баязета, и одолѣли Сербовъ. Царь Лазарь былъ убитъ; поч-

ти все войско его пало; царство сербское поворено турками, а на Коссовомъ полѣ они сложили изъ срубленныхъ головъ сербскихъ высокій столбъ.

За симъ пришла вѣсть о такомъ же паденіи и разрушеніи царства Болгарскаго.

Потомъ пошли извѣстія, что то тотъ, то другой султанъ подступалъ къ самому Царьграду, и что императоръ съ трудомъ отъ нихъ отбивается. Потомъ пришло въ Москву приглашеніе отъ папы римскаго на соборъ для соединенія церкви Восточной и Западной. съ обѣщаніемъ, что если это соединеніе воспослѣдуетъ, то папа двинетъ всѣхъ европейскихъ королей противъ турокъ. Отъ насъ поѣхалъ митрополитъ Исидоръ, родомъ грекъ, и ему данъ былъ наказъ не подписывать на соборѣ ничего прогивнаго православію. Соборъ состоялся въ городѣ Флоренціи, въ Италиі. Многіе греки согласились признать верховенство папы надъ вселенскою церковью. Вернулся въ Москву митрополитъ Исидоръ, сталъ служить обѣдню въ Успенскомъ соборѣ, возвѣстивъ торжественно, что отнынѣ рушилось средостѣніе между двумя церквами,—что отнынѣ только въ христіанствѣ стало единостадо и единый пастырь; а кто же этотъ пастырь—оказалось, когда Исидоръ вдругъ началъ вмѣсто вселенскихъ патріарховъ на зкѣнѣхъ поминать римскаго папу. Государемъ въ Москвѣ былъ въ то время внукъ Димитрія Донскаго Василій Васильевичъ Темный; онъ былъ въ то время слѣпъ, — но одинъ замѣтилъ Исидорову новость и указалъ духовенству. Всѣ ужаснулись. Оказалось, что Исидоръ на соборѣ подписалъ соединеніе церквей совсѣмъ въ томъ смыслѣ, какъ хотѣли папы. Великій князь назвалъ его не пастыремъ, а волкомъ, велѣлъ посадить подъ стражу въ Чудовъ монастырь, созвать свой соборъ и судить отступника. Исидоръ однако бѣжалъ изъ тюрьмы. Въ Константинополѣ тоже вышла смута изъ-за этого флорентійскаго собора. Приѣхали туда епископы, поднимавшіе соединеніе. Народъ встрѣтилъ ихъ крикомъ: «вѣру

продали! Сдѣлался бунтъ. Сбранъ былъ соборъ — и про-
клялъ измѣнниковъ.

Таково было колебаніе и потрясеніе въ цареградской церкви и во всемъ греческомъ царствѣ со всѣхъ сторонъ тѣснимомъ турками. Наконецъ, въ 1453 году по Р. Х., т. е. слишкомъ за 400 лѣтъ до нашего времени, разнеслась по всему восточному православному христіанству страшная вѣсть, что Царьградъ взятъ турками, — что султанъ турецкій Магометъ II сѣлъ на престолѣ греческихъ императоровъ, — что храмы константинопольскіе (самый храмъ св. Софіи) обращены въ мусульманскія мечети. Вѣсть эта приводила всѣхъ въ оцѣпенѣніе. Куда теперь обратить очи? Гдѣ тотъ свѣтъ истинной вѣры, который сіялъ столько вѣковъ въ Царьградѣ на поученіе и радость вселенной — и на обличеніе и посрамленіе враговъ Церкви? Что же теперь будетъ въ христіанствѣ, когда поплѣнена и поругана та Церковь, которая премудростью своихъ великихъ учителей — Іоанна Златоуста, Григорія Богослова, Василия Великаго и многихъ другихъ, — просвѣщала всѣ другія православныя церкви и была живую хранильницей святыхъ апостольскихъ преданій? Плакали люди въ пустыняхъ, плакали во храмахъ, когда пастыри объявили прихожанамъ о страшномъ событіи. Расходились по домамъ люди и толковали, что это не начало-ли свѣта представленія? И словно стадо разсѣянное, пошли скитальцами греки во всѣ земли, по всему міру, и вездѣ около нихъ собирались люди, и всѣмъ они рассказывали жалостную повѣсть о взятіи Царьграда, и всѣ ихъ слушали съ воздыханіемъ и слезами. Многое множество этихъ грековъ, а съ ними и болгаръ и сербовъ, потянулось къ Москвѣ — и изъ Москвы по русскимъ городамъ и обителямъ; вездѣ былъ имъ братскій пріемъ и сильная милостыня. Страданія ихъ церкви и жалкая судьба ихъ царствъ, родственныхъ нашему, придавали въ глазахъ русскихъ людей особую святость этимъ путникамъ: многіе изъ нихъ были въ своей странѣ великіе стратиги, философы, имѣли высокий

духовный санъ, и всего лишились и едва жизнь спасли, и теперь питаются только подаваніемъ, а многое множество ихъ братій плачутъ дни свои въ неволѣ. Всѣ эти бѣдствія были понятнѣе на Руси, чѣмъ гдѣ либо, потому что всѣ эти изгнанники одной съ нами вѣры— и потому еще, что въ рѣдкомъ русскомъ-то семействѣ не оплакивали когонибудь изъ своихъ близкихъ, томящагося или умершаго въ неволѣ у татарскихъ хищниковъ; многіе и сами были выкуплены изъ рабства, на обильныя приношенія, которыя собирались со всей Руси на выкупъ ордынскихъ плѣнниковъ. Самимъ на Руси было памятно, какъ татары брали русскіе города,—какъ народъ и князья его сражались и умирали въ бою съ невѣрными,—и всѣ спрашивали у грековъ, какъ же у нихъ все это сдѣлалось?

И греки рассказывали:

«У нашего императора Константина Палеолога было всего 8,000 воиновъ; съ ними онъ заперся въ Царьградѣ, и пять мѣсяцевъ бился противъ 280,000 арміи султана. Надо вамъ знать, что городъ съ сухопутной стороны обведенъ высокими стѣнами съ башнями, а съ моря входъ въ его гавань запирался желѣзною цѣпью. Султанъ вдоль всѣхъ стѣнъ построилъ батареи и непрестанно—и днемъ и ночью—палилъ въ городъ каменными ядрами; только все, что онъ днемъ разобьетъ стѣнъ, то греки успѣютъ ночью исправить. Палитъ онъ, палитъ, да вдругъ какъ ударить во всемъ лагерьѣ въ бубны да въ барабаны, засвистятъ въ зурны и флейты, и съ вликомъ и воемъ, съ огнями и лѣстницами бросятся турки на приступъ—и тутъ ужъ Богъ знаетъ что дѣлается: съ высокихъ мѣстъ смотришь и видишь только, что пороховой дымъ какъ пелена лежитъ надъ стѣнами и городомъ, и въ этомъ дыму слышны только стукъ и трескъ оружія, крики воиновъ, плачь и рыданіе женъ и дѣтей, — и съ турецкой стороны—зурны, флейты и барабаны, а съ греческой—изъ города—звонъ колоколовъ съ церковей, гдѣ не прерывалась божественная служба. Богъ все миловалъ: пять мѣсяцевъ сряду греки, хоть и мало ихъ было, да отбивали приступы. Султанъ

сонъ потерялъ отъ досады. И подкатилъ онъ къ городу, на 60 волахъ, огромную пушку вѣсомъ въ 1,900 пудовъ, длиною въ 4 сажени; ее заряжали каменнымъ ядромъ въ 36 пудовъ; ядро за четыре версты попадало въ цѣль—и когда падало на землю, то пробивало яму слишкомъ въ два аршина глубины. И стрѣлять изъ нея можно было только семь разъ въ день, а то она слишкомъ накалялась — и надобно было послѣ выстрѣла тотчасъ смазывать нутро ея бычачьимъ саломъ. Другія пушки. а ихъ было около двухсотъ, тоже были тяжелыя; ихъ везли по 40 воловъ. Изъ этихъ-то пушекъ громили стѣны. Видя, что и это не беретъ, Магометъ началъ думать, какъ бы ему въ самый городъ, т. е. въ самую гавань Царьградскую ввести свои корабли, и съ двухъ сторонъ палить; а какъ входъ въ гавань съ моря былъ запертъ желѣзною цѣпью, то онъ придумалъ перетаскать корабли въ гавань по суху, съ внутренней ея стороны, настлавши досокъ и смазывая ихъ жиромъ. Это и исполнилъ онъ ночью—и тогда ужъ съ двухъ сторонъ открылъ огонь. Часть стѣны наконецъ упала. Турки ворвались въ городъ—и началась рѣзня отчаянная. Одолѣли невѣрные и разсыпались по городу, пошли рѣзать и грабить, оскверняли храмы, ломали утварь церковную, сдирали иконы и топтали ихъ ногами. Султанъ самъ на бѣломъ конѣ вѣхалъ въ городъ и прямо къ св. Софіи; туда ворвались ужъ турки и шла рѣзня; султанъ вошелъ во храмъ, распахнулъ царскія врата. вошелъ въ алтарь и сѣлъ на престолъ по-турецки, то есть поджавши ноги; съ престола велѣлъ прекратить рѣзню, вычищать храмъ—и своимъ мулламъ отнынѣ служить въ немъ службу Магомету. Первымъ дѣломъ, онъ потребовалъ къ себѣ императора. Но императора нигдѣ не было. Онъ бился какъ храбрый ратникъ; незадолго передъ тѣмъ, покрытый кровью, подѣхалъ онъ къ св. Софіи, вошелъ въ храмъ, наполненный старцами, женами и дѣтьми и многими духовенствомъ; палъ передъ алтаремъ, покаялся, простился съ патриархомъ и съ царицею, поклонился на всѣ четыре стороны

до земли, прося простить ему прегрѣшенія его и обиды, буде кого онъ обидѣлъ,—и сказалъ при этомъ: «Простите православные христіане! видно часъ мой пришелъ — испить за народъ мой чашу искупленія. Ежели турки возьмутъ меня живого въ плѣнь, то и весь народъ попадетъ въ вѣчное къ нимъ рабство; если же буду убитъ на бою, то хоть султанъ и сядетъ на престолъ мой, но Богъ цареву жертву приметъ—и вѣчнаго рабства народу не будетъ: Господь воздвигнетъ мстителя за кровь мою». Засимъ онъ причастился св. Тайнъ и пошелъ изъ церкви, сѣлъ на коня и опять поскакалъ на битву. Султану сказали, что видѣли императора бѣющимъ съ турками во вратахъ градскихъ, и что онъ убитъ. Султанъ велѣлъ отыскать его тѣло. Стали разбирать тѣла и нашли тѣло царево, только безъ головы, и признали его только по царскимъ украшеніямъ на сандаляхъ или на башмакахъ. Султанъ велѣлъ отыскать непременно голову. Срубленныхъ головъ между тѣлами валялось множество — и греческихъ, и турецкихъ; стали ихъ подбирать, обмывать, наконецъ нашли. Султанъ призвалъ плѣнныхъ греческихъ бояръ и сказалъ, чтобъ они рассмотрѣли—точно ли это царева голова. Они со страхомъ и слезами отвѣчали: «она и есть глава царева». Самъ султанъ содрогнулся, облобызалъ голову и послалъ ее къ патріарху. Патріархъ положилъ ее въ золотой и серебряный ковчежець, и тайно ночью похоронилъ подъ престоломъ св. Софїи».

Много страшнаго и чудеснаго рассказывали греки. Говорили, между прочимъ, что «въ ночь передъ послѣднимъ, трехдневнымъ боемъ, на 21-е мая, на память строителя града Св. царя Константина и матери его Елены, весь городъ вдругъ освѣтился словно заревомъ. Думали, что пожаръ. Увидали, что свѣтъ выходитъ изъ верхнихъ оконъ Софійскаго храма, обнявъ собою весь куполь,—что все пламя потомъ, слившись вмѣстѣ, превратилось въ невыразимый свѣтъ, и этотъ свѣтъ поднялся на небо—и словно растворились двери не-

бесныя, и пріяли свѣтъ и опять затворились. Спрошенныя о томъ, что это значить, патріархъ и архіереи объявили, что этотъ свѣтъ—благодать Божія, и съ нею ангелъ Господень данный Богомъ на соблюденіе святой церкви сей и на сохраненіе граду сему, въ сію ночь отошедшая на небо, такъ какъ Богъ, по грѣхамъ нашимъ, предастъ нынѣ градъ сей въ руки враговъ».

Въ Москву къ великому князю стали постоянно пріѣзжать знатные и ученые изъ грековъ, сербовъ и болгаръ. Наши государи принимали ихъ въ своихъ покояхъ слезно и участно, и приглашали ихъ къ столу своему, и вмѣстѣ съ своими боярами разспрашивали, и разсуждали подробнѣе, отчего и какъ все это случилось. Греки такъ имъ объяснили дѣло: «всѣмъ вамъ вѣдомо, государи, что съ изначала, когда Господь нашъ Іисусъ Христосъ разослалъ св. апостоловъ по всей землѣ проповѣдывать слово Свое, повелѣлъ Онъ всѣмъ церквамъ быть въ любви и общеніи одна съ другою, и въ случаѣ какихъ неурядицъ собираться на вселенскіе соборы, и соборнѣ постановлять догматы вѣры, высматривать и утверждать правое ученіе. И такъ продолжалось въ церкви вселенской до тѣхъ поръ, пока папа римскій не вздумалъ поставить себя выше соборовъ; самъ онъ нарекъ себя намѣстникомъ Іисуса Христа—и сталъ требовать, чтобы вся вселенская церковь признала его главою и повелителемъ. И церкви—британская, гальская, германская и испанская покорились ему, и овладѣлъ онъ въ этихъ странахъ двумя третями земель, и чрезъ легатовъ своихъ началъ повелѣвать самими тамошними королями. Желая власть свою надъ ними укрѣпить и имѣть вѣрѣ своей защитника, а себѣ покорнаго слугу, онъ одного изъ пѣмецкихъ королей вѣнчалъ императорскимъ вѣнцомъ и нарекъ римскимъ императоромъ, и сказалъ ему: «будь ты мнѣ правою рукою, и приведи ты подъ власть мою всю землю». Накинулись они на славянскія царства, исповѣдывавшія греческую вѣру по книгамъ св. Кирил-

ла и Меодія, — и гдѣ кознями, гдѣ кровопролитіемъ успѣли отторгнуть отъ единыхъ православныхъ вселенскія церкви, въ свое стадо, изъ общей единой семьи славянской, Чеховъ, Мораванъ и Поляковъ. Но мечъ папы и змѣиная хитрость его сокрушались только о вѣрныхъ отеческой церкви сербовъ, болгаръ, грековъ и русскихъ. И оттого возненавидѣли папы все восточное христіанство! И какихъ бѣдъ они ему ни причинили! Когда проявился Магометъ, и попли мусульмане огнемъ и мечомъ обращать всѣ народы къ его вѣрѣ, и взяли святой градъ Іерусалимъ, гдѣ находится Гробъ Господень, и ополчилось противъ нихъ все христіанство, — папы воспользовались бѣдствіями греческаго народа и захватили Константинополь, и шестьдесятъ лѣтъ держали его въ рукахъ своихъ, и учредили тамъ свою латинскую имперію, и были намъ хуже турковъ — потому что турки все таки позволяютъ намъ вѣру нашу исповѣдывать, а латиняне всѣхъ силою приводили къ папѣ! Завели они также рыцарей и велѣли имъ огнемъ и мечомъ распространять латинскую вѣру и въ вашихъ старорусскихъ земляхъ, у латышей и эстовъ, у литовцевъ, и у васъ русскихъ, называя васъ дикими русскими язычниками! Нашимъ законнымъ императорамъ удалось таки отнять опять Царьградъ и выгнать латинянъ, а у васъ — сами вы знаете — ваши князья св. Александръ Невскій и многіе другіе оборонили отъ рыцарей прирѣдную-то русскую землю!»

«Грѣхъ папъ великій въ томъ и есть, — продолжали бесѣдовать греки, — что мы, греки, больше возлюбили жизнь спокойную и праздную, въ роскоши и удовольствіяхъ и въ праздныхъ толкованіяхъ, чѣмъ труды воинскіе; вмѣсто того чтобы самимъ крѣпко биться съ латинянами — вызвали мы гурокъ защищать насъ отъ враговъ нашихъ. Турки пришли и поселились въ нашихъ земляхъ; латиняне и стали ихъ наускивать на насъ, думая, что какъ потѣснятъ насъ турки, мы поневолѣ къ папѣ же обратимся за помощью. Турки покорили Болгарію. Сербію и отъ Греческой имперіи остались

только городъ Константинополь, да Морея, да нѣсколько острововъ. Папы стали къ намъ засылать, будто насъ жалѣютъ, и объявили намъ, что они пошлютъ всѣхъ королей своихъ намъ на выручку, но что для этого намъ надо отъ своей вѣры откататься и признать власть римскаго первосвященника. Для этого они собрали соборъ въ городѣ Флоренціи въ Италіи, куда и отъ васъ ѣздилъ митрополитъ Исидоръ. Нѣкоторые изъ нашихъ вельможъ и даже духовныхъ согласились было и подписали соединеніе, но народъ и слышать не хотѣлъ объ измѣнѣ вѣрѣ, а тѣмъ паче—покойный императоръ Константинъ Палеологъ; всѣ мы, уже подъ пушками Магомета, говорили: «Лучше турки, чѣмъ латины!...» Взяли турки Царьградъ—папы и думаютъ, что ужъ теперь то васъ, православныхъ, сломать и говорить и пишутъ намъ: «видите-ли вы, неразумные греки, до чего довело васъ ваше упорство—не признавать папу верховнымъ главою всего христіанства! За этотъ-то грѣхъ васъ Богъ и наказуетъ! Смотрите и сами судите, гдѣ очевидная благодать Божія: мы богаты, а вы въ нищетѣ и безъ куска хлѣба; мы повелѣваемъ народами, и короли земные служатъ намъ,—вы стали рабами поганыхъ; наши храмы и дворцы украшаются мраморомъ и золотомъ, рѣзбою и письмомъ,—ваши храмы ободраны и поруганы, негдѣ вамъ и помолиться-то! Ужели не видите, что Богъ во гнѣвѣ отвратилъ отъ васъ лице Свое? Обратитесь къ намъ, покайтесь, откажитесь отъ своей вѣры, признайте власть папы—и папа проститъ васъ, и пошлетъ королей своихъ выгнать турковъ изъ вашей земли, и будете вы спасены». Но и въ неволѣ и въ бѣдствіи, мы отвѣчаемъ папѣ: «судьбы Господни неисповѣдимы. По грѣхамъ нашимъ Богъ посылаетъ на насъ испытаніе и тяжкую кару; но мы согласны скорѣе претерпѣть всяческія муки отъ гурковъ, чѣмъ душу погубить, отъ истинной вѣры отрѣчься—и признать тебя, смертнаго человѣка, земнымъ богомъ. Богъ нашъ на небесахъ: здѣсь на землѣ установилъ Онъ свою апостоль-

скую Церковь, во главу ея поставивши не смертнаго человѣка, а Сына Своего Иисуса Христа, и Духомъ Своимъ Святымъ въ Церкви пребывав и животворя ее, и таинственно волю Свою объявляя въ постановленіяхъ св. соборовъ. Человѣкъ ты еси—и смертенъ, и шатокъ, и погрѣшимъ; Духъ-же Святыи, въ Церкви пребывающій, вѣченъ и незыблемъ, и премудрости исполненъ».

«Таково-то, государи, несчастное положеніе наше, говорили греки. И на кого упованіе свое возложимъ? И къ кому въ скорби своей прибѣгнемъ? Кто возстановитъ святыя храмы наши? Кто возстановитъ тронъ Константиновъ и державу его исторгнетъ изъ рукъ нечестивыхъ? Кто снова освятитъ храмъ св. Софій—и снова огласитъ его ангельское пѣніе и послышатся въ немъ слова Бога живаго?»

И слышали наши государи, и князья, и бояре, и митрополиты, и епископы—и сердце у нихъ разрывалось отъ жалости. И рвалось ретивое на защиту православія; но окидывая умственнымъ взглядомъ дѣла свои, видѣли, что Московское государство само еще подъ властью татаръ, а другая половина Руси во власти у латинянъ, у Литвы и Польши; да если бы и пойдти русскимъ отбивать Царьградъ для грековъ; то пришлось-бы въ одно время воевать и съ турками, и съ латинянами, которые не потерпятъ чтобъ православіе опять воссіяло на Востокъ...» Ничѣмъ-то мы вамъ пособить не можемъ,—съ горестью говорили наши грекамъ:—остается только всеѣмъ покориться волѣ Божіей, крѣпко стоять въ вѣрѣ и ожидать часа, когда Господь воздвигнетъ мстителя за неправды на враговъ имени Его».

«Богъ даетъ крѣпость мышцѣ и младенцевъ умудряетъ,—отвѣчали греки,—а наша вся надежда только на васъ, государи, и на единовѣрный намъ русскій народъ. У насъ, въ нашихъ старинныхъ книгахъ, вотъ что записано: когда св. Константинъ Великій избралъ мѣсто для постройки Царь-

града, вдругъ изъ норы выползъ великій змій—и на змїя низпалъ съ неба орель, и подхватилъ змїя и унесъ на высоту, а змій вокругъ него обвился. Они скрылись изъ глазъ; но скоро орель опять показался и упалъ на то-же мѣсто, ибо змій сталъ его душить и одолѣвать; увидавши это, подбѣжали люди—и змїя убили, а орла освободили. Мудрецы тогда же объяснили, что орель есть знаменіе христіанское, а змій—мусульманское,—и значить, что мусульманство одолѣетъ христіанъ, но потомъ и христіане побѣдятъ его. Теперь половина пророчества исполнилась: змій одолѣлъ орла. Сбудется и вторая половина: придутъ люди и убьютъ змїя. Какіе же это будутъ люди? Охъ, государи, есть объ этомъ и другое у насъ пророчество, а записано оно уже пятьсотъ лѣтъ тому назадъ,—что прійдетъ русскій родъ и купно со строителями града побѣдитъ измаильтянъ, и приметъ Царьградъ, и воцарится тамъ... На великіи дѣла блюдетъ Божій промыслъ—великій русскій народъ.

— Аминь! да будетъ воля Господня! говорили наши государи, и князья, и бояре, митрополить и епископы—и осѣнили чело свое крестнымъ знаменіемъ, чистосердечно и безкорыстно отдавая себя водительство Святаго Промысла Божія.

2. Москва—Третій Римъ.

А Промыслъ Божій въ то время уже явно оказывался надъ Москвою. Тамъ уже начинали прозрѣвать, что труды великихъ подвижниковъ за землю русскую скоро имѣютъ получить свою мзду; явно было, что данничеству ордынскому скоро придетъ конецъ. Въ Москвѣ великимъ княземъ былъ въ то время внучъ Дмитрія Донскаго, Василій Васильевичъ Темный. При немъ былъ и соборъ Флорентійскій, и взятіе турками Царьграда. Много этого князь потерпѣлъ несчастій

на вѣку своемъ: дядя и двоюродные братья отнимали у него престолъ—и даже выкололи ему глаза, отчего онъ и прозванъ Темнымъ; попался онъ и въ плѣнъ къ татарамъ и былъ выкупленъ за дорогую цѣну пожертвованіемъ бояръ и народа. Но несчастіе не заставило его отступить отъ пути, указаннаго предками; съ помощью старыхъ бояръ своихъ онъ побѣдилъ враговъ и скрѣпилъ государство еще сильнѣе. Утѣшеніе великое доставлялъ ему выросавшій при немъ сынъ его, Иванъ. Слѣпецъ прозиралъ духомъ великую будущность сына. Будущность эта была ему предсказана, когда Иванъ былъ еще отрокомъ. Пріѣзжалъ въ Москву ходатаемъ за буйныхъ своихъ согражданъ одинъ изъ святыхъ мужей новгородскихъ, архіепископъ Іона. Во время бесѣды его съ великимъ княземъ о дѣлахъ Руси, вдругъ входитъ въ горницу сынъ и наслѣдникъ Васильевъ, Иванъ. Святитель взглянулъ на него и сказалъ: «вотъ кому Богъ пошлетъ свободу отъ власти ордынской!» и потомъ долго еще въ молчаніи глядѣлъ на отрока, на разумныя его очи, и вдругъ закрылъ лице свое руками, заплакалъ и произнесъ: «отрокъ же сей приведетъ и мою родину, великій Новгородъ, подъ свою руку!»

Василій Темный умеръ. Ему наслѣдовалъ этотъ Иванъ. Двадцать лѣтъ прошло со взятія турками Царьграда. Въ это время, уже опомнившись отъ перваго удара, греки — даже тѣ, которые понадѣялись было на папу и подписали соединеніе вѣръ,—увидѣли, что спасеніе ихъ можетъ выйдти только изъ самого православія; а какъ изъ православныхъ государствъ въ то время очевидно возвышалось одно государство православное, именно—Московское, то на Москву и обратились съ надеждой очи всего Востока. Завязались у грековъ тѣснѣйшія сношенія съ Москвою. Патріархъ греческой церкви самъ не могъ переѣхать въ Москву: ему нужно было бодрствовать за свою паству въ отечествѣ; онъ и благословилъ російскому духовенствъ у самого соборнѣ выбирать себѣ митрополита. Но

званіе зашитника Церкви — лежавшее, по преемству отъ св. Константина Великаго, на греческихъ царяхъ,—греки хотѣли, согласно древнимъ пророчествамъ, передать торжественно и по всѣмъ правамъ Государю Московскому. Дѣло это они устроили такъ: многіе изъ знатныхъ грековъ проживали въ Римѣ — и по наружности признали папу. Они и, главное, грекъ кардиналъ Виссаріонъ, стали папѣ внушать мысль, что съ великимъ княземъ московскимъ можно обдѣлать сразу два дѣла: и обратить его въ католичество, и получить помощь на турокъ; для этого постараться женить его на племянницѣ послѣдняго греческаго императора. Константина Палеолога, Софьѣ, которая въ приданое принесла бы ему свои права на престолъ Константиновъ, а какъ ревностная католичка — обратила бы самого въ католичество; онъ-моль противъ женской прелести и ея хитрости не устоятъ. Папа (который не могъ сладить со своими королями, чтобы дружно обратить ихъ на турокъ) съ радостью ухватился за эту мысль и послалъ въ Москву сватомъ грека же, Георгія. Это сватовство, какъ сказано въ нашей лѣтописи, Иванъ Васильевичъ взялъ въ мысль, и, поговоривъ съ митрополитомъ и боярами, отправилъ въ Римъ своего посланца, итальянца, принявшаго въ Москвѣ православіе, Ивана Фрязина, смотрѣть невѣсту и для переговоровъ. Иванъ Фрязинъ наговорилъ папѣ обѣщаній съ три короба, и повезъ невѣсту. «Ну дочь моя,—говорилъ, отпуская ее. папа,—послужи святому престолу римскому, и будешь ты великая изъ женъ, если еретическаго царя Ивана приведешь въ римскую вѣру». Невѣсту провожалъ папскій кардиналъ и хотѣлъ вступить въ Москву торжественно въ своей красной мантии, со всей своей свитой, и чтобы впереди его несли большой латицскій крестъ. Онъ намѣревался и вѣнчать жениха съ невѣстой по-своему. Но за нѣсколько верстъ до Москвы, крестъ ему велѣли спрятать; невѣста, какъ вступила въ Москву, такъ и объявила, что никогда и не измѣняла православію,—и въ тотъ же день

была обвинена съ Иваномъ Васильевичемъ, въ Успенскомъ соборѣ, митрополитомъ. Кардиналь началъ было разговоръ о вѣрѣ; но, когда митрополитъ Филиппъ изложилъ ему всю римскую неправду, онъ замолчалъ, сказавъ, что нужныхъ книгъ съ собой не взялъ, не ждалъ спора,—такъ какъ Иванъ Фрязинъ говорилъ въ Римѣ, что здѣсь всѣ согласны на соединеніе вѣръ. Ему сказано было, что вольно-жь было вѣрить; Фрязинъ вралъ отъ своего лица, и никакихъ грамотъ съ собой о томъ не имѣлъ; за это-моль великій князь прогнать его съ очей своихъ. И точно, великій князь прогналъ его, но не надолго,—потомъ опять принялъ на службу. Кардиналь съ тѣмъ и уѣхалъ. Папа римскій остался ни причемъ.

Иванъ же Васильевичъ, какъ женился на греческой царицѣ, такъ и припаялъ на себя всѣ права ея предковъ: и облаченіе императорское, и гербъ византійскихъ императоровъ—двуглаваго орла, и въ грамотахъ своихъ къ иностраннымъ государямъ сталъ именоваться царемъ и императоромъ. При дворѣ своемъ завелъ онъ царскіе обычаи и чины, какъ было у греческихъ царей; иностранныхъ пословъ сталъ принимать—сиди на престолѣ, въ порфирѣ и шапкѣ древняго великаго императора греческаго Константина Мономаха, въ бармахъ его, со скипетромъ въ рукѣ. Всѣ эти регалии—были Софьино приданое и привезены ею. Утверждая себѣ наслѣдника, онъ уже торжественно вѣнчалъ его на царство какъ вѣнчались греческіе цари. Явно было, что какъ сказалъ нѣкогда великій князь Симеонъ Гордый, новая «свѣча» зажжена была въ Москвѣ.

Съ этой поры все въ ней пошло измѣняться, самый наружный видъ ея: Иванъ Васильевичъ III, засталъ ее деревяною, а оставилъ каменною, златоглавою; было на что, еще издали, подѣвзая къ ней, перекреститься русскому люду! Онъ построилъ высокія каменные стѣны съ башнями и стрѣльницами, Успенскій соборъ, каменный вмѣсто обветшавшаго деревяннаго. соборы Архангельскій и Благовѣщенскій, ка-

менный дворецъ, Грановитую Палату для торжественныхъ собраний и пріемовъ, и многіе храмы, все изъ камня. Для всякаго дѣла сталъ выписывать изъ-за границы разныхъ мастеровъ, итальянцевъ и грековъ, пушкарей, литейщиковъ, строителей и всякихъ художниковъ,

Во всѣхъ своихъ дѣлахъ великій князь сталъ рѣшительнѣе; первое онъ привелъ подъ свою руку Великій Новгородъ и его обширныя земли, т. е. всю Новгородскую, Олонецкую, Петербургскую и Архангельскую губерніи. Всѣ эти земли занялъ и заселилъ Новгородъ изстари, поставилъ тамъ города и селеня, и державствовалъ надо всею этою странюю. Горды были новгородцы своимъ державствомъ и богатствомъ, ибо они-то собственно изстари заправляли чуть не всей торговлей въ Россіи: въ низовыхъ городахъ закупали хлѣбъ, оттуда же получали товары азіятскіе; съ своихъ владѣній и изъ Сибири получали мѣха, и продавали пѣмецкимъ купцамъ, и посылали сами корабли за море—черезъ Волховъ, Ладожское озеро, Неву. Нѣмецкіе товары новгородцы развозили по Россіи. Но отъ этой торговли разбогатѣли только важнѣйшіе купцы въ Новгородѣ и назвались боярами; вся земля была ихняя; города, которые они ставили, они называли своими пригородами, держали крѣпко—и все на свою только пользу, словомъ, изъ всѣхъ своихъ земель, какъ говорится, выжимали сокъ. Эти богачи заправляли въ новгородскихъ земляхъ всѣмъ: сами судили судъ—и тѣснили свои пригороды и весь сельскій или черный людъ. Управлялись они сходкой, по старинному «вѣче»: ударять въ вѣчевой колоколь—и всѣ должны собираться на Ярославовъ дворъ. И приходятъ богачи со своими нахлѣбниками и кормяжниками. Пойдетъ несогласіе, крикъ, драка; которая сторона одолѣетъ, давай топить противниковъ въ Волховѣ, съ мосту. По мѣрѣ того, какъ стали усиливаться съ одной стороны Московское государство, а съ другой—Литовское, Новгородская держава очутилась вдругъ между двумя сильными сосѣдями. Поняли новгородцы,

что имъ не устоять, и вышло между ними раздѣленіе: богачи купцы, бояре захотѣли поддаться Литвѣ, гдѣ панамъ было житье привольное—короля они ни въ грошъ не ставили, а простой народъ тѣснили, имѣли даже право казнить смертію,—такой порядокъ нравился богачамъ купцамъ, боярамъ новгородскимъ—и желательно было имъ завести его и у себя; но черный людъ новгородскій на это не соглашался, и лучше хотѣлъ совсѣмъ отойти подъ государя Московскаго, у котораго судъ равный для всѣхъ—и для большихъ, и для маленькихъ людей. Иванъ Васильевичъ ужъ одинъ разъ усмиривъ новгородцевъ, замышлявшихъ измѣну, и поднялся теперь чтобы окончательно присоединить Новгородъ къ московскому государству, потому что понималъ—если бы да успѣла Литва захватить новгородскія земли, то и православію тамъ бы пришелъ конецъ, и поляки стали бы пановать надъ русскими народомъ. Онъ собралъ войско, но крови проливать не желая, окружилъ войскомъ Новгородъ, и заперъ всѣ у него входы и выходы; самъ сталъ подлѣ, на Городищѣ, и ждалъ. Попались какъ въ западню новгородцы—и пошла у нихъ сумятица; звонять въ вѣчевой колоколъ, собираются, кричатъ; одни кричатъ: «Хотимъ государя Московскаго!» другіе: «Хотимъ Казиміра Литовскаго!» Изъ-за словъ—драка, гвалтъ, топять противниковъ въ Волховѣ. Въ дѣла путаются и богачихи-боярыни, и бабы. А великій князь стоитъ на Городищѣ, все знаетъ, что въ Новгородѣ дѣлается,—молчитъ и смотритъ. Вотъ, наконецъ стали у новгородцевъ истощаться запасы. Начали они пересылаться съ Иваномъ Васильевичемъ и спрашивать: чего онъ хочетъ? «Сами знаете», отвѣчаетъ онъ. Въ Новгородѣ наконецъ сдѣлался голодъ, и они порѣшили бить челомъ государю, чтобы онъ принялъ Новгородъ на всю свою волю. Государь и велѣлъ быть Новгороду какъ другимъ русскимъ городамъ; вѣче уничтожено; колоколъ снятъ, отвезенъ въ Москву и повѣшенъ тамъ на колокольнѣ

звонить заодно со всѣми русскими колоколами. Вся держава Новгородская присоединена къ Московскому государству.

Также рѣшительнѣе Иванъ Васильевичъ сталъ поступать и съ Ордою. Рассказываютъ, что Софья Ѳоминышна постоянно твердила ему: «не для того-моль вышла я за тебя замужъ, чтобъ ты меня и дѣтей моихъ сдѣлалъ татарскими данниками». Иванъ Васильевичъ на ея горячность усмѣхался и молчалъ, а дани въ Орду не посылалъ. У хана было подворье въ Москвѣ—царь это подворье запялъ подъ церковь. Ханъ Ахматъ прислалъ наконецъ пословъ съ грозной рѣчью. По старому обычаю, послы, входя въ Москву, несли изображеніе хана, по татарски басма, которому князья русскіе должны были кланяться. Иванъ Васильевичъ вышелъ со всѣмъ дворомъ своимъ на встрѣчу посламъ, взялъ изъ рукъ ихъ эту басму—и вдругъ къ ихъ ужасу изломалъ ее, бросилъ на землю и растопталъ ногами, а пословъ велѣлъ казнить, кромѣ одного, которому сказалъ: «ступай, расскажи хану, что сдѣлалъ я съ его басмою и послами. Тоже будетъ и съ нимъ, если онъ не оставитъ меня въ покоѣ». Ханъ потомъ пришелъ съ войскомъ и сталъ на рѣкѣ Угрѣ. Иванъ Васильевичъ и тутъ не хотѣлъ положиться на военную удачу: тянулъ время, передвигалъ то туда, то сюда свое войско, а самъ отправилъ внизъ по Волгѣ другое войско подъ самую столицу ханскую, Сарай, и ждалъ вѣстей. Такъ прошла вся осень. Въ войскѣ русскомъ и не знали тайной посылки другаго отряда подъ Сарай—и роптали; роптали и въ Москвѣ; стыдили великаго князя примѣромъ прадѣда его Димитрія Донскаго, называли его «бѣгуномъ» и писали къ нему укорительныя письма. Иванъ Васильевичъ на все молчалъ. Вдругъ Ахматъ услышалъ, что русскіе сожгли его столицу,—и побѣжалъ. Великій князь съ торжествомъ въѣхалъ въ Москву, и устыдилъ всѣхъ, которые въ немъ усумнились, и самъ посмѣялся надъ ними. Побѣда не стоила ему ни единой капли крови. Вотъ какъ онъ умѣлъ обдѣлы-

вать великія дѣла! Ахматъ потомъ въ Ордѣ былъ убитъ своими же. Золотая Орда распалась на части.

И вотъ. такой-то государь царствовалъ въ московской Руси сорокъ три года (1462—1505). До него и князья московскіе, начиная отъ Ивана Даниловича Калиты, и народъ московскій, словно молча. но понимая другъ друга, трудились надъ освобожденіемъ отъ татаръ; и въ этой молчаливой работѣ, въ этой тайнѣ, которую знали всѣ, но и другъ другу не высказывали,—чувствовали свою силу и свое превосходство надъ жителями прочихъ русскихъ областей, которые жили сами по себѣ, и объ общемъ дѣлѣ не помышляли, и тяготы его не несли, каковы были, напримѣръ, новгородцы. Теперь дѣло было сдѣлано. Отъ Орды Русь была свободна; народъ русскій, единый по крови, по вѣрѣ и языку, имѣлъ вмѣсто многихъ князей одного государя. Удачи, побѣды и великій умъ Ивана III еще болѣе возвысили мнѣніе русскихъ о самихъ себѣ и о величіи своего государя. Когда же палъ Царьградъ и съ нимъ прирожденный защитникъ православія—царь греческій. и Иванъ Васильевичъ женился на греческой царевнѣ, и на него перешло, вмѣстѣ съ царскимъ вѣнцомъ и царскими регаліями, и законное званіе, права и обязанности великаго и единого поборника истинной вѣры, тогда русскіе люди съ гордостью стали говорить: «Государи наши во всемъ свѣтѣ единые браздодержатели святыхъ Божіихъ престоловъ! Чистое православное ученіе только въ богоспасаемомъ градѣ Москвѣ удержалось и паче солнца свѣтится! Два Рима пало. третій стоитъ (т. е. Москва), а четвертому не быть».

И не одни русскіе люди разумѣли такъ. Съ паденіемъ Орды, при Иванѣ III Васильевичѣ, передъ очами всего міра словно вдругъ спала завѣса, скрывавшая доселѣ въ тишинѣ созрѣвавшее Государство Московское—одно изъ православныхъ государствъ, свободное отъ чуждаго ига. И въ престолу московскихъ государей понеслись молебны и вопли о защитѣ

со всѣхъ православныхъ земель, стлавшихъ подъ игомъ мусульманскимъ и подъ гнетомъ латинскимъ. Эти жалобы и вопли ясно указывали, какое значеніе въ мірѣ получаетъ Россія, что дѣлать Московскимъ государямъ и на какой подвигъ направить имъ отнынѣ силы своего народа, у котораго подъ игомъ татарскимъ глубоко запечатлѣлась въ сердцахъ великая заповѣдь—стоять за своихъ и пострадать за Христа.

Покончивъ внутреннія дѣла свои, въ этомъ-то разумѣ и началъ дѣйствовать Иванъ III Васильевичъ, а потомъ и сынъ его Василій Ивановичъ, царствовавшій послѣ него двадцать восемь лѣтъ (1505—1533). Они начали сами наступать на татаръ, отбивать у нихъ земли, строить на этихъ земляхъ крѣпости. Въ Литовской Руси, гдѣ народъ былъ рускій и православный, а король—католикъ, стали желать, чтобы опять соединиться подъ одну природную державу; Иванъ III и сынъ его стали именоваться государями всея Руси и начали требовать древней своей отчины—Кіева и всѣхъ русскихъ земель, подпавшихъ подъ власть Литвы и Польши во время татарскаго владычества. Иванъ Васильевичъ успѣлъ отвоевать Сѣверскую землю, а сынъ его Василій Ивановичъ—Смоленскъ. Смоленскъ защищалъ храбрый литовскій воевода Сологубъ, и два раза отбил нашъ приступъ. Когда великій князь открылъ въ третій разъ палубу, жители закричали со стѣнъ, чтобы государь прекратилъ огонь; государь велѣлъ перестать стрѣлять, и смоляне, князья и бояре смоленскіе, весь народъ, старцы и юноши, матери и дѣвицы, иноки и инокини всѣ, предводимые епископомъ и духовенствомъ съ хоругвями и крестами, вышли изъ города со свѣтлыми очами, со многою любовію, на встрѣчу великому князю. Всѣ тотчасъ смѣшались съ московскими людьми, здоровались, обнимались и цѣловались, какъ единокровные и единовѣрные братья, послѣ долгой разлуки сошедшіеся. Кликъ радости не умолкали и провожали великаго князя при вшествіи его въ городъ, прямо къ собору Пречистыя Богоматери; тамъ совершенъ былъ молебенъ: прото-

діаконъ возгласилъ многолѣтіе природному государю; многолѣтіе повторили хоромъ епископъ со всѣмъ духовенствомъ, оба клироса, послѣ чего епископъ, благословивъ крестомъ великаго князя, сказалъ ему: «Божіею милостію радуйся и здравствуй, православный царь, великій князь всея Руси, самодержецъ на своей отчинѣ и дѣдинѣ, градѣ Смоленскѣ, на многая лѣта». И снова въ церкви пролилися слезы радости, и снова пошло цѣлованіе и обниманіе...

Иванъ Васильевичъ III и сынъ его Василій дѣйствовали тихо и осторожно, употребляли силу ужь тогда, когда дѣло напередъ умомъ подготовили. Они, можно сказать, срывали только зрѣлый плодъ. Но не таковъ былъ сынъ Васильевъ, Иванъ IV Васильевичъ Грозный: оставшись послѣ отца малолѣтнимъ, какъ только вошелъ въ возрастъ, онъ,—наставляемый умнымъ и ревностнымъ ко благу Россіи митрополитомъ Мазаріемъ и духовникомъ своимъ, попомъ Сильвестромъ,—горячѣе отца и дѣда принялъ къ сердцу долгъ свой и какъ государя всея Руси, и какъ христіанскаго православнаго цая, порфиророднаго помазанника Божія, избраннаго Богомъ для совершенія таинственныхъ судебъ Его, подобно судіямъ и царямъ ветхозавѣтнаго Израиля, и великимъ византійскимъ императорамъ, которыхъ кровь, по бабкѣ его Софьѣ, текла и въ немъ. Начатое отцомъ и дѣдомъ его дѣло, онъ двинулъ впередъ со всею горячностью своей вѣры—и все при немъ совершенное было такъ мудро задумано, что не нарушилось во всѣ послѣдующія смутныя времена; чего совершить не удалось ему—довершено было Петромъ Великимъ и Екатериною II; а многое при немъ заведенное, послѣ разныхъ шатаній и переворотовъ втеченіи времени,—возобновляется у насъ только нынѣ, конечно въ лучшемъ видѣ, въ земскомъ преобразованіи благополучно нынѣ царствующаго Государя Императора.

3. Царь Иванъ Васильевичъ Грозный. Пожореніе Кавани и Астрахани.

По кончиѣ родителя своего, Иванъ IV Васильевичъ остался на престолѣ младенцемъ на четвертомъ году, на рукахъ бояръ и матери своей, правительницы Елены, дочери русскаго выходца изъ Литвы Михаила Глинскаго. Восьми лѣтъ онъ лишился и матери. Во все его малолѣтство правили бояре. И Димитрій Донской въ малолѣтствѣ получилъ престолъ, и за него тоже управляли бояре. Но бояре при малолѣтствѣ Ивана Васильевича уже не походили на тѣхъ старыхъ московскихъ бояръ, воспитанныхъ въ дѣлахъ Ивановомъ Калитою и сыномъ его Симеономъ Гордымъ, и святыми Алексѣемъ и преподобнымъ Сергіемъ. Когда уничтожены были удѣлы, бывшіе удѣльные князья, или ихъ дѣти и внуки, поступили на службу великаго князя, и заняли по знатности своей да и по родству съ нимъ—мѣста выше старыхъ бояръ, и понемпогу оттѣснили ихъ отъ двора и отъ высшихъ должностей. Тѣ разѣхались большею частью по деревнямъ и несли тяжелую ратную службу, и, надо сказать, эти земскіе бояре и дворяне доблестно и честно сослужили свою службу царямъ и Россіи паравиѣ со всѣмъ народомъ русскимъ. Новые же бояре, заступившіе ихъ мѣсто при дворѣ, все не могли забыть, что отцы и дѣды ихъ были прежде вольные князья неслужилые,—и думали, что если ужъ нельзя имъ воротить отцовскихъ удѣловъ, то нельзя-ли, по крайности, устроиться имъ такъ на Москвѣ, какъ устроились русскіе же князья, одного съ ними корени въ Литвѣ, или паны въ Польшѣ; эти литовскіе князья и польскіе паны владѣли огромными землями и городами, жили у себя во владѣніяхъ, какъ особые царьки; король въ земли ихъ не вступался; они дѣлали, что хотѣли съ подвластнымъ имъ народомъ, даже смертию казнили. При малолѣтствѣ Ивана Ва-

силевича, бояре и въ Москвѣ захватили всю власть; при дворахъ своихъ завели, какъ и въ Литвѣ, огромное число челядинцевъ, кормежниковъ и нахлѣбниковъ, которые снова ли въ народѣ, расхваливали своихъ «кормильцевъ», распускали про недруговъ ихъ дурные слухи, мучили народъ и подымали его на бунтъ, когда того требовалось этимъ кормильцамъ,—и народъ видался на дворы ихъ недруговъ, и жегъ ихъ и грабилъ. Когда кто изъ этихъ вельможъ назначался намѣстникомъ въ какойнибудь городъ, они увозили съ собою всю свою сволочь, раздавали ей мѣста—и такъ тѣснили и обирали жителей, что цѣлыя волости пустѣли,—люди разбѣгались. Въ Москвѣ же эти верховные бояре враждовали другъ съ другомъ за первенство, убивали, отравляли, замучивали другъ друга въ пыткахъ, ссылали въ ссылку, грабили дома и деревни тѣхъ, кого одолѣютъ. Обиженные—если имъ удавалось уйти—отбѣзжали въ Литву, въ Крымъ, подымали короля и хана на Россію, сами въ ихъ войскахъ ходили разорять отечество. Одинъ изъ такихъ перебѣжчиковъ, Семень Бѣльскій, нѣсколько лѣтъ жившій въ Крыму, даже хвастался, что три раза подымалъ Ногайцевъ и Крымцевъ на Россію. Не останавливались они и передъ саномъ митрополита: каждой партіи хотѣлось имѣть митрополита изъ своихъ сторонниковъ: которые были имъ негодны, тѣхъ сводили съ престола: такъ свергли они, одного за другимъ, двухъ митрополитовъ—Даніила и Іоасафа. Въ спорѣ съ митрополитомъ Макаріемъ одинъ изъ бояръ, Головинъ, наступивъ на его мантию, изорвалъ ее, въ знакъ презрѣнія, ногами. Говорятъ, и Елену, мать царя, они опоили ядомъ, и дядей его замучили. О воспитаніи царя они не заботились; обходились съ нимъ грубо; царь самъ потомъ вспоминалъ: «мы, бывало, съ братомъ Юрьемъ играемъ, а князь Иванъ Шуйскій развалится на лавкѣ и ногу положить на постель отца моего»... Старались потакать всякому его дѣтскому желанію, приучали его травить кошекъ, собакъ, людей, бросать

ихъ внизъ съ высокаго крыльца или изъ оконъ; когда онъ подростъ, ночью цѣлой ватагой сами они или ихъ дѣти сажались на коней и скакали по Москвѣ, творя всякія безчинства... Чуть кто полюбится юному царю, другимъ дѣлалось завидно—и его, въ глазахъ царя, убивали или ссылали; на просьбы, на слезы, на испугъ ребенка не смотрѣли. «Въ такихъ-то злокозненныхъ боярскихъ обычаяхъ и небреженіи».— какъ говорилъ потомъ самъ царь — возрасталъ онъ въ дѣтствѣ, и по мѣрѣ того, какъ возрасталъ, самъ выходилъ такими же, какъ всѣ его окружающіе, и достигши четырнадцати лѣтъ, началъ дѣлать съ ними то, чему изъ ихъ же примѣра научился,—началъ казнить то того, то другаго, кто ему не понравится.

Но рядомъ съ этими безнравственными и свирѣпыми боярами, очевидно, подлѣ юноши-царя находился кто-то, старавшійся насадить въ душѣ его страхъ Божій и просвѣтить его разумъ наукою: царь зналъ отлично священное писаніе, исторію церковную, римскую и русскую, и творенія отцевъ Церкви; мастеръ былъ писать и говорить рѣчи. Ни отъ кого изъ древнихъ нашихъ царей не осталось столько сочиненій; при приѣмѣ пословъ, или когда онъ давалъ наказы своимъ посланникамъ или воеводамъ, въ горницѣ всегда сидѣлъ писарь и записывалъ его рѣчи. Былъ подлѣ него кто-то, внушавшій ему великое понятіе о долгѣ христіанскаго царя передъ Богомъ, значеніе русскаго государя для всего православія. По всей вѣроятности, этотъ невѣдомый сѣятель добра въ юной и пламенной душѣ Іоанна былъ митрополитъ Макарій. Онъ же, вѣроятно, внушилъ царю, когда ему исполнилось семнадцать лѣтъ, мысль вѣнчаться торжественно на царство и вступить въ бракъ. 16-го января 1547 года совершилось вѣнчаніе, а 3-го февраля была свадьба царя съ Анастасіей изъ рода Романовыхъ, стараго боярскаго рода времени Димитрія Донскаго. Торжественность обряда вѣнчанія и напоминаніе при этомъ царственныхъ обязанностей не могли не оставить впечатлѣнія

на юнаго царя; бракъ съ прекрасной и кроткой царицей Анастасіей долженъ былъ омерзить ему прежніе его утѣхи. Но тутъ случилось еще одно событіе, глубоко потрясшее его душу. Черезъ два мѣсяца послѣ свадьбы, апрѣля 12, сдѣлался въ Москвѣ страшный пожаръ, отъ котораго, между прочимъ, взорвало вспыхнувшимъ порохомъ стрѣльницу и часть стѣны въ Кремлѣ; черезъ нѣсколько дней, 20-го апрѣля, новый пожаръ въ нынѣшней Яузской части; наконецъ, іюня 24-го налетѣла на Москву страшная буря съ громомъ и молніей, отъ которой Москва загорѣлась разомъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ, — и скоро, при сильномъ вѣтрѣ, словно огненное море разлилось по всему городу. Государь съ царицею едва спасся на Воробьевы горы. Митрополитъ Макарій чуть не задохся въ Успенскомъ соборѣ: его спустили на веревкѣ изъ тайника къ Москвѣ рѣкѣ; онъ упалъ и расшибся.

Съ Воробьевыхъ горъ, при раскатахъ грома, при блескѣ молніи, трепещущій царь смотрѣлъ на пожираемую пламенемъ свою столицу. На другой или на третій день, когда огонь утихъ, онъ ѣздилъ провѣдать боляцаго митрополита, посѣтилъ пожарище, гдѣ бѣдные погорѣльцы, посреди дымящихся развалинъ, съ воплями и слезами, бродили, отыскивая своихъ пропавшихъ безъ вѣсти близкихъ, или свое имущество — и не находили даже мѣста, гдѣ стояли ихъ дома. На огромномъ пепелищѣ города торчали только почернѣлыя каменные трубы, да обгорѣвшія каменные церкви. Около двухъ тысячъ народу сгорѣло... Нѣкоторыми боярами пущены были слухи, будто городъ подожгли бояре, князья Глинскіе; толпа кинулась отыскивать мнимыхъ виновниковъ; убили боярина Глинскаго, дядю царскаго... «Все сіе навелъ Богъ на насъ грѣховъ ради нашихъ, ибо множество согрѣшили и беззаконствовали... Богъ же праведнымъ своимъ судомъ приводитъ насъ на покаяніе»... Вотъ что отовсюду, отъ митрополита и іереевъ и ото всего народа, утрашеннаго бѣдствіемъ, и ото всѣхъ сокрушавшихся о потерѣ достоянія своего и своихъ родныхъ и близкихъ

въ пламени,—слышалъ царь, и больше всѣхъ утрашился и сокрушился духомъ, ибо въ бѣдствіи народа видѣлъ, по писанію, кару Господню за свои прогрѣшенія: «и вниде страхъ въ душу мою, говорилъ онъ потомъ,—и трепеть въ кости мои, и смирился духъ мой, и позналъ я свои согрѣшенія». Онъ далъ обѣтъ покаяться и стать другимъ человѣкомъ: наложилъ на себя постъ и молитву, потомъ созвалъ святителей и покаялся въ грѣхахъ своихъ, причастился Св. Таинъ. Но прощенія святителей ему казалось еще мало. Онъ объявилъ по всѣмъ городамъ, чтобы съѣхались въ Москву отовсюду выборные люди. Когда они съѣхались, онъ въ воскресный день велѣлъ всѣмъ собраться на Лобное мѣсто въ Москвѣ; послѣ обѣдни вышелъ изъ Кремля, сопровождаемый боярами, митрополитомъ и духовенствомъ съ крестами и хоругвями. Отслужили молебень, послѣ чего царь обратился къ митрополиту и во всеуслышаніе говорилъ ему: «молю тебя, святой владыко, будь мнѣ помощникомъ. Знаю, что ты дѣлъ благихъ и любви желатель. Я остался—ты знаешь владыко,— послѣ отца своего четырехъ лѣтъ, а послѣ матери—осьми. Не стало родителей моихъ, чтобы пецись обо мнѣ, а сильные мои бояре и вельможи обо мнѣ не радѣли, а самовластвовали, саны и почести похищали именемъ моимъ, творили всякія корысти и обиды—и никто имъ не возбранялъ: а словно былъ глухъ и не слышалъ, и—ради юности моей и пустоты—не имѣлъ въ устахъ моихъ на нихъ обличенія. О, неправедные лихоимцы! неправедные судьи и хищники! какой отвѣтъ теперь дадите намъ за слезы, которыя вы исторгли? Я же чистъ отъ пролитой вами крови. Ожидайте возданія своего!»

Потомъ поклонился на всѣ четыре стороны и сказалъ народу: «люди Божіи и Богомъ намъ порученные! взываю къ вашей вѣрѣ, къ Богу, къ любви вашей къ намъ. Всѣхъ раззореній вашихъ, всѣхъ неправдъ бояръ моихъ въ лѣта моей юности, теперь исправить уже невозможно. Молю васъ, простите другъ другу всѣ вражды ваши! Простите всѣ другъ другу обиды наши! Отнынѣ, насколько Богъ дастъ мнѣ силы, самъ я буду

вамъ судія и оборона, буду неправды исправлять и отнятое возвращать». За симъ онъ указалъ на одного молодаго чело-
вѣка, по имени Алексѣя Адашева, съ которымъ сблизился
послѣ пожара, — и велѣлъ ему принимать всѣ челобитныя отъ
бѣдныхъ и обиженныхъ, и разсматривать вмѣстѣ съ царемъ.
И всѣ, выборные, и всѣ люди московскіе, и митрополитъ Ма-
карій со всѣмъ священнымъ соборомъ, и князья, и бояре,
слышавшіе такія слова изъ устъ юноши-царя, сердцемъ уми-
лилися, и на испрашиваемое царемъ прощеніе сладкія слезы
радости испущали, и молили Господа, да отпуститъ Онъ
всѣмъ согрѣшенія ихъ и помилуетъ. И слыша сіе юноша-
царь самъ проливалъ слезы, и радовался о всеобщемъ про-
щеніи — и по юношеской горячности своей, въ веселіи сердца,
думалъ, что отнынѣ наступаетъ во всей державѣ его вѣчный
миръ и любовь, какъ подобаеть быть въ христіанскомъ цар-
ствѣ; въ ознаменованіе сего, тутъ же простилъ всѣхъ — какіе
были виновные передъ нимъ бояре, съ тѣмъ, чтобы ужъ о
прошломъ и помину не было. И съ великой радостью и мно-
гими слезами разошлись съ Лобнаго мѣста люди московскіе,
и разѣхались выборные по домамъ и рассказывали вездѣ,
чему были свидѣтелями, — и радостью и свѣтлыми надеждами
исполнилась Русская земля, будучи вся за одну душу съ
царемъ своимъ.

Съ сего времени, т. е. съ 1547 года, до самой кончины
царицы Анастасіи, въ 1560 году, втеченіе тринадцати лѣтъ,
совершились великія дѣла царствованія Ивана IV Василь-
евича. Про это время его лѣтописцы говорятъ: «царю нашему
обычай таковъ: начало его премудрости — страхъ Господень;
оставилъ онъ всѣ забавы, и только тѣдится порученныя ему
отъ Бога царства соблюсти, и устроить, и оборонить отъ
всѣхъ иновѣрныхъ басурмацъ и латынявъ; ничего иного у
него на умѣ нѣтъ — какъ только о избавленіи едиnorodныхъ
нашихъ братій, православныхъ христіанъ. просто сказать,

только законъ Христовъ и ратныя дѣла. Любовь же его, ко всѣмъ сущимъ подъ рукою его, къ вельможамъ, и въ среднимъ, и къ младшимъ,—ко всѣмъ равная: по достойнѣю всѣхъ любить, всѣхъ жалуешь; ни единого забвеннымъ видѣть отъ жалованія своего не хочешь... дабы во страшное второе пришествіе Христово, когда послышишь гласъ: «ты еси царь правды?» могъ бы безъ стыда отвѣчать: «азъ есмь—и вотъ люди, которыхъ ты мнѣ далъ, Господи!»

У царя Ивана Васильевича былъ еще родной братъ, Юрій, и двоюродный—Владиміръ Андреевичъ. Обоихъ онъ вскорѣ послѣ пожара женилъ; перваго помѣстилъ жить въ одномъ дворцѣ съ собою, и три юныя четы были почти неразлучны. При нихъ постоянно находился еще Алексѣй Адашевъ, тотъ юный другъ царевъ, котораго государь возвысилъ изъ незнатныхъ людей за добрый нравъ и приблизилъ къ себѣ, поручивъ ему принимать и разсматривать съ царемъ всѣ подаваемыя на его имя просьбы; домашнимъ наставникомъ при всей этой царственной молодежи былъ Благовѣщенскаго собора протопопъ Сильвестръ, мужъ строгій нравомъ и мудрый въ совѣтахъ, а главнымъ руководителемъ царя, какъ видно по всѣмъ дѣламъ, тогда имъ совершоннымъ, былъ митрополитъ Макарій.

И вотъ какъ разсуждали тогда въ царской думѣ, что надобно было дѣлать, чтобы Московскому государству достигнуть той высоты, на которую ставили его и гласъ всего угнетеннаго восточнаго православія и собственное его положеніе между двумя враждебными ему силами—дикой Азіей и римскимъ папой, повелѣвавшимъ всѣми почти европейскими королями и уже употреблявшимъ тогда всѣ усилія—чтобы отторгнуть отъ отеческой вѣры и подчинить себѣ всю Литовскую Русь. Нужно было прежде всего внутри государства завести порядокъ управленія и судъ; по прежнему положенію, въ города посылали намѣстниковъ изъ Москвы: оказывалось, что эти намѣстники только грабятъ жителей—и по-

тому ихъ рѣшено отмѣнить, а пусть города и волости сами выбираютъ изъ земства присяжныхъ излюбленныхъ людей, которые бы судили по правдѣ. и крестъ бы на томъ цѣловали, и подати, и оброки бы собирали и въ Москву отвозили, и воровъ бы ловили; гдѣ же будутъ какіе царскіе чиновники, то чтобы и при нихъ находились выборные отъ земства довѣренныя люди и смотрѣли бы, чтобы они все дѣлали по правдѣ и по закону. А чтобы люди знали—какъ въ какомъ случаѣ поступить, для того надобно написать законы; почему и былъ собранъ земскій соборъ изъ выборныхъ людей и всего государства въ 1549 году, и на немъ изданъ *Судебникъ*, т. е. законы гражданскіе; потомъ для исправленія дѣлъ церковныхъ, созванъ былъ другой соборъ святителей, въ 1551 году, и какіе на немъ установлены законы, тѣ написали въ другой книгѣ, которая называется *Стоглавъ*, по числу ста статей, въ ней заключающихся. Кромѣ того, разсуждали въ Москвѣ, что много у насъ всякаго богатства—и хлѣба, и и льну, и пеньки, и лѣсу, и звѣря, и рыбы, и въ землѣ всякихъ рудъ; но все это сырье мы обрабатывать не умѣемъ; нѣтъ у насъ ни ремесль, ни искусствъ; всякое цѣнное издѣліе надо получать изъ-за границы. А потому, надобно изъ Европы выписать знающихъ людей, чтобы у насъ у самихъ знали всякое дѣло. Выискался въ Москвѣ нѣмецъ Іоаннъ Шлитте, которому дали денегъ и письмо къ нѣмецкому императору Карлу Пятому, чтобы онъ дозволилъ ему, Шлитте, нанять всякихъ людей изъ нѣмцевъ, заводить у насъ всякія мастерства. Шлитте въ 1547 году же отправился въ нѣмецкую землю, но чѣмъ кончилось его посольство, я разскажу послѣ.

Главное же, чѣмъ юный царь хотѣлъ заслужить вины юности своей и исполнить долгъ христіанскаго государя.—была брань съ врагами имени Христова — татарами, которые не давали намъ покою и по паденіи Золотой Орды.

Золотая Орда, по смерти Ахмата, какъ разрубленный на части змѣй, у котораго ожила каждая часть, распалась на

нѣскольکو царствъ: Казанское, Астраханское, Крымское, Ногайскія Орды и царство Сибирское. Всѣ эти орды главное промышляли грабежомъ. Особенно насъ беспокоили Крымъ и Казань. Ханъ крымскій получалъ подарки отъ Московскаго и отъ Литовскаго государства, чтобъ только не приходилъ съ ордой своей грабить, и жечь, и уводить плѣнниковъ. Да и съ подарками на него нечего было надѣяться; дары онъ отъ насъ бралъ, а все страцалъ: «не укроетесь отъ меня за своими стѣнами — крѣпостями, дремучими лѣсами». И въ самомъ дѣлѣ безпрестанно нападалъ, жегъ даже нѣскольکو разъ Москву. За подарками присылали пословъ и ногайскіе князья. И всѣ эти послы, и крымскіе, и ногайскіе, были чудные: ѣдетъ посланникъ въ Москву и гонить табунъ лошадей; а какъ пріѣдетъ—то ходитъ къ боярамъ и царю о посольскихъ дѣлахъ говорить, то сидитъ на конной площади, самъ лошадей продаетъ. Солонъ былъ намъ этотъ ханъ, но все-таки отъ него отдѣляла насъ степь, и московскіе государи устроили по всему рубежу крѣпости, заставы и разъѣзды, и содержали тамъ войско. А прямо пойти и истребить его было тогда еще нельзя, и походъ степью труденъ, пока до Перекопа доберешься, да и самъ крымскій ханъ былъ подручникъ турецкому султану, и султанъ за него бы вступился; а султанъ ужъ и такъ разнюхивалъ пути въ Россію, старался завладѣть Астраханью, чтобъ оттуда Волгой добраться и до Москвы. Казань же была къ намъ ближе и была еще не-сносна. Грабители казанскіе господствовали на Волгѣ, разбойничали даже подъ Костромой, разбивали обозы и караваны нашихъ купцовъ, портили всю нашу торговлю съ Азіей,—не говоря ужъ о томъ, что въ Казани, какъ и въ Крыму, согни тысячъ русскихъ невольниковъ, воровски взятыхъ, томилась въ рабствѣ. Царь Иванъ Васильевичъ рѣшился прежде всего покончить съ Казанью. Два похода были неудачны. Одинъ походъ былъ на другой же годъ (1548) послѣ пожара. Пошли зимой изъ Нижняго по льду, по Волгѣ. Но по-

лились дожди, настала оттепель. Много пушек провалилось въ продушинахъ съ людьми и лошадьми. Царь долженъ былъ оставить предпріятіе и возвратился въ Москву съ великими слезами, что не сподобилъ Богъ ему поратовать противъ враговъ христіанства. Черезъ два послѣ того года (въ 1550) пошли во второй походъ, тоже зимой; расположились къ осадѣ Казани. Опять пошли дожди; порохъ подмокъ, стрѣлять нельзя было; разлились ручьи, надо было снимать осаду. Но походъ этотъ обошелся не безъ пользы. На устьѣ Свіаги поставили городъ Свіяжскъ, много безпокоившій Казанцевъ и очень много послужившій въ третьемъ нашемъ походѣ.

Наконецъ, еще черезъ два года, въ 1552 году рѣшили идти подъ Казань лѣтомъ. Собрано было 150,000 войска. Царь выступилъ самъ изъ Коломны іюля 3-го, 1552 года. Войска шли тремя путями. Волгой сплавливали запасы, пушки, порохъ, всякіе снаряды и тяжести. Часть войска съ царемъ пошла на Владиміръ, а другая — черезъ Рязань, къ Сурѣ. Походъ былъ веселый. Пищи было обиліе. Въ чистыхъ поляхъ лоси словно сами выходили стадами на убой. Гуси и бѣлыя лебеди стаями плавали въ тихихъ заводяхъ; рѣки кипили рыбою. Шли, словно не въ походъ, а на охоту, и на привалахъ и ночлегахъ жарили добычу какъ для шра. Жители—Русскіе, Мордва, Мещера. Черемиса подвозили хлѣба и съ любопытствомъ разглядывали войска, бояръ, юнаго царя. Казанцы тоже готовились принять гостей, и писали государю «ждемъ васъ на пиръ: не въ первый разъ бѣжать вамъ со срамомъ отъ нашего юрта». 30,000 заперлись въ своемъ крѣпкомъ городѣ съ высокими каменными мечетями, башнями, и съ толстыми дубовыми и земляными стѣнами; остальное же войско и всю свою конницу поставили за лѣсомъ, подъ начальствомъ своего хитраго князя Епанчи, и условились съ нимъ, что какъ скоро они выставятъ на башнѣ знамя и станутъ махать имъ, то это значить, что русскіе идутъ на приступъ — и чтобъ Епанча ударилъ на нихъ съ тыла.

Распорядясь такъ, они смѣло поджидали нашихъ — и вотъ 23-го августа увидѣли, при восходѣ солнца, что русскіе полки, съ музыкой и распущенными знаменами, между которыми выше и шире всѣхъ развивалась царская хоругвь съ изображеніемъ Иисуса Христа, подходятъ къ городу и растягиваются, чтобы обложить его съ разныхъ сторонъ. Какъ только увидали себя лицомъ къ лицу обѣ силы, — и русская, и татарская, въ тотъ же день перевѣдались между собою въ кровавой схваткѣ, и съ перваго раза поняли, что дѣло пойдетъ на упоръ съ обѣихъ сторонъ. Царь съ воеводами и со своимъ размысломъ, — то есть нѣмцемъ-инженеромъ, умѣвшимъ вести подкопы въ землѣ, чтобы порохомъ взрывать башни и стѣны, — всѣ первые два дня не сходилъ съ коня, высматривая мѣста, гдѣ ставить пушки, откуда приступать къ городу, и куда вести подкопы. На четвертый день, 27 августа, наши открыли огонь изъ 150 пушекъ. Казанцы отвѣчали тѣмъ же, и начался почти непрерывный, остревнѣлый бой. Больше всѣхъ донималъ нашихъ хитрый князь Епанча. Наши осаждали Казань, а онъ словно насъ держалъ въ осадѣ. Наши не пускали въ Казань хлѣба, а онъ отбивалъ хлѣбъ, который везли къ намъ, и являлся всегда тамъ, гдѣ его меньше всего ожидали. Чтобы его истребить — пришлось отрядить противъ него половину войска. Царь думалъ сначала, что жадной принудитъ Казапцевъ сдаться, потому что Казань стоитъ на горѣ — и отъ воды не близко; онъ и перерѣзалъ всѣ ихъ пути къ Казанкѣ и къ рѣкѣ Булаку, но видитъ, что они все держатся. Узнали, что у нихъ, около городской стѣны, въ одномъ мѣстѣ есть родникъ, куда они ходятъ подземнымъ путемъ и берутъ воду. Царь приказалъ подъ этотъ ходъ подвести подкопъ. Десять дней рылись въ землѣ, и вдругъ рабочіе услышали надъ собой голоса и шаги. Накапали въ этомъ мѣстѣ одиннадцать бочекъ пороху и зажгли фитиль; послѣдовалъ взрывъ — и часть стѣны и тайникъ полетѣли на воздухъ. Но Казанцы не уныли духомъ, приня-

лись въ самомъ городѣ рыть колодезь; дорылись таки до воды; вода оказалась мутная и вонючая; но они пили ее черезъ силу, пухли и болѣли, но не сдавались. Русскіе били въ стѣны изъ пушекъ, и таранами кидали огромные камни, выстроили великіе туры или подвижныя башни, придвинули ихъ къ стѣнамъ. и съ нихъ стрѣляли въ городъ на улицы изъ пицалей и луковъ. Но ничто не помогало. Чуть не каждый день высыпали Казанцы густыми толпами то изъ тѣхъ, то изъ этихъ воротъ, и завязывалась жестокая сѣча, такъ что войско наше поутомилось таки довольно. Къ тому же пошли дожди; всѣ мѣста, гдѣ оно стояло, обратились въ болота, и одинъ разъ налетѣла такая буря, что много судовъ нашихъ потопила на Волгѣ, сорвала палатки воиновъ и даже царскій шатерь. Стали говорить, что это неспроста, что это дѣйствіе нечистой силы, что у Казанцевъ есть кудесники, что при восходѣ солнца разные старики и бабы выходятъ на стѣны, кривляются и вопятъ страшнымъ голосомъ, и одеждами своими машутъ на русскій лагерь, этимъ накликаютъ вѣтеръ и облака и изъ нихъ дождь лется рѣкою... Царь повелѣлъ послать на перекладныхъ въ Москву привести крестъ съ частицами отъ древа креста Господня, и съ нимъ вокругъ всего нашего лагеря сдѣлать крестный ходъ съ иконами и кропить св. водою. Наступили красные дни. Войско ободрилось. видя что Богъ, не токмо въ ничто обратилъ чары сатанинскія, но и многимъ благочестивымъ мужамъ въ сонномъ видѣніи возвѣщалъ скорое паденіе царства басурманскаго. Самъ царь во снѣ слышалъ — яко бы изъ Казани — звонъ знакомаго ему большаго колокола Симонова монастыря.

Время между тѣмъ уже подходило къ октябрю. Дѣло замешкалось оттого, что все ждали, когда будутъ готовы подкопы. Наконецъ къ 1-му числу Октября размысль, или инженеръ государевъ, объявилъ, что готовы два подкопа подъ главнѣйшія башни казанскія. Царь тотчасъ объявилъ по войску, чтобы всѣ причастились и исповѣдались, ибо приближается

день, во оны же пяти всѣмъ общую чашу; приказалъ, чтобы въ ночь на 2-е число все было готово, и какъ черезъ два часа по восходѣ солнца взорвутъ подкопы, то чтобы со всѣхъ сторонъ кидались на приступъ. Самъ Царь въ эту ночь въ своей походной церкви велѣлъ служить раньше заутреню. Вдругъ главный воевода, князь Михайло Ивановичъ Воротынской, присылаетъ ему сказать, что 45 бочекъ пороху ужь въ подкопѣ, что Казанцы свѣдали о нашемъ дѣлѣ, и что нельзя терять ни минуты. Царь велѣлъ выстроиться полкамъ какъ можно тише, а самъ остался дослушать заутреню. Діаконъ читалъ Евангеліе и едва произнесъ «да будетъ едино стадо и единъ пастырь»—вдругъ грянулъ громъ; земля потряслась. Царь бросился къ выходу изъ шатра, и видитъ: заря сіяетъ на небѣ, небо чисто и ясно; поля русскіе, словно притаясь, стоятъ передъ стѣнами казанскими и въ тишинѣ дожидаются знака,—а надъ Казанью стоитъ темный высокій столбъ дыму, вверху освѣщаемый розовыми лучами восходящаго солнца,—и глыбы земли, обломки башенъ и стѣнъ, люди, бревна, поднятые силою взрыва, падаютъ изъ этого дымнаго столба со страшной высоты, на городъ... Служба прервалась было, но царь велѣлъ доканчивать и вернулся на свое мѣсто. Діаконъ сталъ читать на эктени молитву о царѣ—и какъ только произнесъ: «и покорити подъ нозѣ его всякаго врага и супостата,»—раздался новый ударъ, взорвало другой подкопъ, еще грознѣе перваго. Вслѣдъ затѣмъ раздался крикъ всего русскаго войска: «съ нами Богъ!» Царь вышелъ еще изъ шатра, и видѣлъ какъ полки кинулись къ проломамъ,—къ стѣнамъ; они ставятъ лѣстницы, а на стѣнахъ вдругъ высыпали головы татарскія, и видно было, что тамъ все двигалось: наши лѣзутъ на стѣны, а Татары льютъ на нихъ изъ тагановъ горящую смолу и скатываютъ бревны; въ проломахъ, на грудахъ земли и камней, въ страшной давкѣ—и конные и пѣшіе уже втискиваются въ городъ... Царь вернулся опять въ церковь, жарко молилъ о побѣдѣ; приближалъ

къ нему посланецъ отъ князя Воротынскаго. со словами: «государь, пора тебѣ ѣхать, полки ждуть тебя.» Царь отвѣчалъ: «какъ отслушаемъ всю службу, то и совершенную милость отъ Христа получимъ.» Воротынскій прислалъ вторично. Служба кончилась. Царь причастился Св. Таинъ, одѣлъ доспѣхи, сѣлъ на коня и поскакалъ со своимъ полкомъ: русскія знамена уже развѣвались на стѣнахъ Казани.

Свирѣпый бой шелъ въ самомъ городѣ. Толпы Татаръ, тѣснясь уже изнутри города, по трупамъ взлѣзли въ одномъ мѣстѣ на стѣну. замахали и завопили Русскимъ: «погодите стрѣлять! пока стояло наше царство и городъ нашъ, мы бились за него и за царя нашего. Теперь выдаемъ вамъ царя своего жива и здрава; ведите его къ вашему царю, а мы выйдемъ въ широкое поле испить съ вами послѣднюю чашу.» И выдали своего царя, и вдругъ стали прыгать со стѣнъ, хотѣли пробиться къ лѣсу, и все пали, но много положили живъ и нагихъ.

Царь влѣзалъ въ городъ по кровавой улицѣ, съ которой для того поприбрали трупы, и тутъ въ городѣ его поразило неожиданное зрѣлище: его встрѣтила толпа русскихъ, только что освобожденныхъ плѣнниковъ, изъ которыхъ нѣкоторые многіе годы томилась въ неволѣ казанской. Увидѣвъ государя, блѣдые, худые, едва прикрытые, они кинулись на колѣни, и кричали: «отецъ ты нашъ! избавитель ты нашъ! изъ ада ты насъ вывелъ! для насъ, сиротъ своихъ, головы своей не пощадилъ!» Царь велѣлъ ихъ отвести въ свой станъ и кормить со своего стола. На другой день городъ былъ очищенъ отъ труповъ; царь, духовенство, войско торжественно вступили въ Казань; духовенство впереди шло съ церковными хоругвями и крестами; обошли стѣны, кропили святою водою и выбравъ мѣсто для постройки соборнаго храма, водрузили на немъ крестъ. Храмъ порѣшено строить во имя Благовѣщенія: да послужитъ сіе первое наше завоеваніе благою вѣстію послѣдующихъ. . . Воротаясь же въ Москву, госу-

дарь, въ память взятія Казанскаго построилъ въ Москвѣ Покровскій соборъ, что нынче называется *Василіемъ Блаженнымъ*: на этомъ мѣстѣ прежде было кладбище, на которомъ похороненъ былъ и этотъ блаженный.

Такъ совершилось покореніе Русскими одного изъ царствъ Магомета... Но не однимъ оружіемъ побѣдила Россія казанцевъ, и въ теченіи времени сдѣлала изъ нихъ себѣ дружественный, мирный и трудолюбивый народъ: водрузивъ въ Казани знамя Христова и учредивъ тамъ новую, казанскую епархію, и отправляя управлять ею св. Гурія, царь написалъ ему такъ поступить съ мусульманами: «которые татары захотятъ креститься волею, а не отъ неволи,—тѣхъ велѣтъ крестить и лучшихъ держать при себѣ, поучать закону христіанскому и покоить; и всѣхъ приходящихъ съ челобитьемъ приводить къ христіанскому закону, причемъ разговаривать съ ними кротко, тихо, съ умиленіемъ, а не жестоко и не со страхомъ...» Этотъ наказъ былъ выполненъ св. Гуріемъ и его преемниками какъ нельзя лучше: очень скоро нѣсколько тысячъ магометанъ и язычниковъ обратились въ христіанство. Царь Казанскій потомъ съ семействомъ своимъ просилъ креститься въ Москвѣ, присягнувъ Россіи и получивъ отъ государя помѣстья.

Но паденіи Казанскаго царства не могло долго держаться и Астраханское. Царь спустилъ по Волгѣ двухъ воєводъ съ войскомъ, и они безъ большихъ хлопотъ заняли Астрахань. Вся Волга была уже въ нашихъ рукахъ, и въ Москву явились посланники отъ персидскаго шаха, отъ бухарскаго и хивинскихъ хановъ и другихъ закаспійскихъ народовъ, чтобъ уговориться на счетъ торговли съ Москвою. Доставивъ теперь торговымъ людямъ прямой доступъ къ Азіи и берега Каспійскіе, Иванъ Васильевичъ хотѣлъ открыть такой же доступъ и къ Балтійскому морю и овладѣть всѣмъ теченіемъ Западной Двины. Съ этой цѣлью начата была имъ война ливонская; Царь взялъ всю Ливонію, рыцари объявили свой

орденъ кончившимся и поддались Польшѣ. На бѣду нашу, въ Польшѣ въ это время случился храбрый и умный король Стефанъ Баторій—и война, тянувшаяся двадцать лѣтъ, кончилась неудачно потерю всѣхъ нашихъ завоеваній въ Ливоніи. Но объ этомъ я разскажу послѣ, а теперь dokonчу только о третьемъ татарскомъ царствѣ, доставшемся Ивану Васильевичу ужъ подъ конецъ его жизни—о царствѣ Сибирскомъ.

4. Завоеваніе Сибири.

Когда вся Волга досталась въ наши руки, государи Московскіе должны были заботиться, чтобы по ней плаваніе для торговыхъ каравановъ было безопасное. По Волгѣ и по Дону и при татарахъ еще жило довольно много русскихъ людей, выходившихъ селиться въ степь по этимъ рѣкамъ и далѣе даже въ Кавказскія горы, на рѣку Терекъ. Хотя эти люди не перерывали своихъ связей съ далекой родиной, крѣпко держались вѣры отеческой и русскихъ обычаевъ, и пазывали себя людьми государевыми, вольными казаками,—однако государи Московскіе, за дальностью, управлять имъ и промышлять объ нихъ не могли. На жалобы разныхъ татарскихъ хановъ, что казаки ихъ грабятъ, изъ Москвы частенько отвѣчали, «что степь велика—и государямъ за казаками смотрѣть не можно.» Сами же казаки, своею постоянною войною съ татарами, не мало намъ приносили пользы, постоянно тревожа Казань и Астрахань. Когда же эти царства были взяты, на Волгѣ, по старой памяти, продолжали собираться въ шайки разные гулящіе люди—и изъ Россіи, и изъ казаковъ,—и нападать безъ разбору на всѣ суда, идущія по Волгѣ. Напрасно государь приказывалъ изъ Москвы, чтобы они надъ государевой казной и торговыми людьми никакого воровства не чинили. Вольница не унималась, атаманы ея разгуливали.

по Волгѣ и по Каспійскому морю, словно сами какіе цари морскіе, и царскаго приказа не слушались. Число ватагъ все росло и росло. Нѣкоторые атаманы сдѣлались грозою для судоходовъ. Между прочими особенно страшно для нихъ сдѣлалось имя атамана Ермака Тимофѣича.

Такъ-то некрасиво встрѣчается намъ въ первый разъ имя Ермака, знаменитаго покорителя Сибири. Кто-же былъ этотъ Ермакъ и откуда онъ взялся? и какъ это случилось, что имя пружяго разбойника—теперь съ благодарностью и уваженіемъ поминается всеми на святой Руси?

Есть извѣстіе, что дѣдъ Ермака, по имени Афанасій Григорьевичъ Аленинъ, былъ посадскій человекъ города Суздаля; жилъ тамъ въ великой скудости, переѣхалъ потомъ во Владиміръ съ двумя сыновьями, Родіономъ и Тимофѣемъ, и промышленялъ извозомъ; нанимался иногда возить и разбойниковъ въ Муромскіихъ лѣсахъ, да вмѣстѣ съ ними и попалъ въ тюрьму; изъ тюрьмы потомъ бѣжалъ въ Юрьевъ Подольскій, гдѣ и умеръ, а дѣти его переѣхали жить на рѣку Чусовую, въ нынѣшнюю Пермскую губернію, въ вотчины именитыхъ людей Строгановыхъ.

Строгановы были важные и умные люди. Они выпросили себѣ у государя пустошорожнія земли между рѣками Камой и Чусовой, около Уральскихъ горъ, для того, что тамъ удобно варить соль—и всякой руды много. Царь далъ имъ земли съ тѣмъ, чтобъ ужъ они сами тамъ всемъ распоряжались: и народъ селили-бы, и городки бы строили, и ружья и пушки имѣли-бы, и ратныхъ людей, и сами-бы оборонялись отъ сосѣднихъ дикихъ народцевъ.

И Строгановы начали устраивать этотъ край—и вели дѣло умно, и за всякой своей нуждой сами переписывались съ царемъ. Вотъ у нихъ-то и поселились сказанные выходцы, Родіонъ съ Тимофѣемъ, и родились у нихъ дѣти; между прочими, у Тимофѣя былъ сынъ Василій.

Этотъ Василій былъ удалой малый; красавецъ собой, роста средняго; волосы имѣлъ темные, бороду—черную; былъ силенъ и рѣчистъ. Онъ ходилъ на стругахъ по Волгѣ и Камѣ, и когда былъ еще кашеваромъ въ своей артели, товарищи придали ему прозвище Ермакъ, что означаетъ таганъ артельный. Но не ужился Ермакъ у Строгановыхъ: тѣсно ему было жить въ работникахъ, захотѣлось поискать своей долишки. Мангла его жизнь удалая, Волга-матушка широкое раздольице. Тамъ погуливаютъ люди вольные, казаки государевы, ходятъ—высоко держать голову, славою своею и казною похваляются, съ басурманами сражаются за вѣру христіанскую. Пошелъ къ нимъ Ермакъ, да скоро и въ атаманы попалъ. Что тутъ было имъ по Волгѣ подѣлано, сколько годовъ тутъ было погулено, много-ли на душу грѣха было приято.—доподлинно неизвѣстно. Видно только, что или не совсѣмъ воромъ и разбойникомъ считалъ себя Ермакъ, или можетъ-быть хотѣлъ заслужить милость царскую, — только когда разъ взбунтовалась черемиса и казанскіе татары, и царь посылалъ на нихъ воеводъ своихъ — Ермакъ съ своею шайкою ходилъ воеводамъ помочь, царю послужить. Угомонили бунтовщиковъ—отплылъ онъ опять разгуливать по Волгѣ матушкѣ, по морю Хвалынскому. Громче прежняго купцы хивинскіе, бухарскіе, персидскіе и наши стали жаловаться, что на Волгѣ отъ воровства и шалостей способа нѣтъ. Строже прежняго стали грозить изъ Москвы. Наконецъ стрясась бѣда важная. Ъхалъ въ Москву персидскій посланникъ. Ермаковы люди во хмѣлю и задрали людей посланниковыхъ. Вышла драка, руки расходились, самъ посланникъ былъ убитъ. Тутъ грозный царь опалился, послалъ воеводъ наказать царскихъ ослушниковъ, очистить Волгу отъ разбоевъ. Пришлось волжскимъ удалыцамъ противъ царя воевать. Воеводы разбили ихъ огромное скопище. Которыхъ разбойниковъ изловили, которыхъ загнали въ степь, въ море. Ермакъ же, чуть слышалъ о приходѣ воеводъ, скрылся не

вѣдомо куда. Объявлено было, что гдѣ только окажутся главные атаманы, тѣхъ брать, вязать и вѣшать безо всякаго разговора. Въ ихъ числѣ изъ самыхъ главныхъ поименованы— и Ермакъ Тимофѣвичь, и товарищъ его Иванъ Кольцо.

Плохо пришлось Ермаку Тимофѣвичу. Пробрался онъ въ мѣста прикамскія съ разбитой своей шайкою, съ худой своей слявушкой. Напала на него лютая тоска. Вотъ она куда завела воля вольная, удалъ молодецкая: вышелъ на Волгу добрымъ молодцомъ, вернулся царскимъ ослушникомъ! Никуда показаться нельзя: по Волгѣ ходить—все ворами слыть, въ Казань, въ Астрахань пойти—быть повѣшену! Ужъ нашла же ты, Ермакъ, свою долюшку, шатался-мотался по чисту полю, да по синю морю, и выслужилъ награду царскую: всего два столбика съ перекладиной—на ней петелька шелковая. Все то теперь Ермаку опротивѣло. Хотя бы все бросить, да въ монастырь пойти. Надо сказать, что Ермакъ не походилъ на другихъ атамановъ: церковь почиталъ и въ шайкѣ своей держалъ порядокъ, и злодѣйства не допускалъ, и за всякое дѣло нехристіанское виновныхъ въ мѣшокъ съ камнями зашивалъ, да въ воду опускалъ. Повѣдалъ, видно, свою кручину Ермакъ Тимофѣевичь своимъ родичамъ; тѣ поговорили Строгоновымъ, а Строгоновы были умные старики; руки имъ были надобны. Согласились они Ермаку въ бѣдѣ помочь. И послали къ нему ласковую грамоту съ такими рѣчами: «чѣмъ мотаться тебѣ по бѣлу свѣту, ты бы, Ермакъ Тимофѣевичь, послужилъ честнымъ людямъ. а у насъ про тебя дѣло нашлось бы. Пожаловалъ намъ государь земли за Югорскимъ камнемъ, по рѣкамъ по Тагилю и по Тоболу, а бы мы тамъ острожки поставили, чтобы на государевы земли сибирскимъ народцамъ, Остякамъ и Вогуламъ, а тѣмъ паче сибирскому царю, татарину Кучуму, путь перехватили; которые народцы царю покорность изъявлять, съ тѣхъ бы мы дани принимали и къ царю бы отсылали; а какіе кунцы пойдутъ, тѣхъ бы мы оберегали. И ты бы Ер-

макъ Тимофѣевичъ, намъ это дѣло справлялъ; ты бы набралъ вольныхъ людей, охотниковъ, а мы бы тебѣ все нужное дали; послужилъ бы ты царю вѣрой правдою, и заслужилъ бы прежніе грѣхи свои.»

Какъ получилъ эту грамоту Ермакъ Тимофѣевичъ, созвалъ онъ казацкій кругъ и вышелъ къ нему со свѣтлымъ лицомъ, и велѣлъ передъ всѣми читать грамоту. «Кто хочетъ братцы, со мной иди; кто не хочетъ—тому воля вольная. А ужъ я вамъ не товарищъ. Кто же со мной пойдетъ, тотъ на словѣ крѣпко стой, чтобъ ужъ воровства и пакости за нами не водилось». И всѣ его любимые товарищи, храбрые есаулы—Иванъ Коалцо, да Иванъ Гроза, Яковъ Михайловъ, Никита Панъ, Матвѣй Мещерякъ—всѣ возрадовались: «намъ безъ тебя, Ермакъ Тимофѣевичъ, все равно пропадать. Куда ты, куда и мы. За тебя головы свои положить согласны.» И набралось съ ними еще пятьсотъ сорокъ человекъ. И пошли они въ Чусовые городки, и приняли ихъ именитые люди Строгоновы съ великою честью. И стали снаряжать за Югорскій камень; дали отъ себя еще триста человекъ ратныхъ людей, и Литвы, и Нѣмцевъ, и Татаръ, и Русскихъ; снабдили ихъ одежей, и запасами, и воинскими доспѣхами. и ружьями и маленькими пушечками; свинцу и пороху дали вдоволь, да шесть поповъ, да возжаковъ и переводчиковъ, и проводили ихъ съ молебномъ на судахъ въ дальній путь, въ неизвѣстную землю Сибирскую.

Шелъ Ермакъ по рѣкѣ по Чусовой, потомъ по Серебряной, перетащился волокомъ въ Жаравлю рѣку; тамъ построилъ легкія лодочки коломенки, поплылъ Жаравлей рѣкой въ Тагиль рѣку; изъ Тагиля вошелъ къ Туру рѣку... Сторона была пустынная, тишина глубокая, ясное время стояло, сентябрь мѣсяцъ. Шли казаки скоро и весело. По рѣкамъ птицы, по берегамъ звѣря—великое множество. Какъ выстрѣлятъ изъ ружья—все всполошится, выстрѣль-то по пустыннымъ мѣстамъ далеко перекатывается, чуть ли не на

всю Сибирь. Лодочки идутъ. казаки пѣсни поютъ: эхъ, сторона-то богатая!.. Только рѣдко-рѣдко гдѣ паленьки падаются; рѣдко-рѣдко гдѣ выглянуть люди дикіе и прочь побѣгутъ. Только вотъ глядятъ казаки—словно войско стоитъ. Войско зашевелилося: аль встрѣчать идетъ непрошенныхъ гостей? Вышли казаки на берегъ, да какъ грянули изъ ружей—все войско попадало. Засмѣялись казаки, пошлн ходить между лежащими, стали искать ихъ наибольшаго. Чуть начнутъ сибирцы подымать головы, опять кто нибудь выстрѣлитъ—и тѣ опять носомъ уткнутся въ землю. Нашли наконецъ наибольшаго; оказалось, что войско вель сибирскаго царя Кучума мурза Таузакъ. Ермакъ обошелся съ нимъ ласково, угощалъ и выпрашивалъ про царя Кучума и про мурзъ его и улановъ, и гдѣ его столица, и сколько у него силы, и далеко ли и какъ идти туда,—и отпустилъ его домой. Мурза прибѣжалъ къ Кучуму и на всѣхъ нагналъ страхъ своими разказами: «такіе молъ, идутъ люди, роду русскаго, какихъ и не видано; сами сильные, а когда стрѣлятъ изъ луковъ своихъ, то изъ конца дымъ и огонь исходитъ и громко гонкеть, аки громъ на небеси, стрѣлъ исходящихъ не видать, а увзвляютъ ранами и смертию побиваютъ, и защититься отъ нихъ никакими ратными збурами не можно; ни куюки, ни панцыри, ни кольчуги наши не держать, все пробиваетъ на вылетъ.» Это ихъ такъ ружейная пальба перепугала. Ружья то они еще не видывали,—и у насъ оно недавно завелось, при томъ же царѣ Иванѣ Васильевичѣ Грозномъ. Пушки-то были и до него.

Царь Кучумъ переполошился, а съ нимъ и мурзы, и муллы его, и князьки, и шаманы сибирскіе. Собрались на совѣтъ. Шаманы говорили, что съ этими людьми приходитъ гибель Кучумову царству; что въ воздухѣ, надъ самой Кучумовой столицей, всѣ видѣли городъ, а въ этомъ городѣ—каменные башни, на башняхъ всягъ колокола, а на верху кресты;

что, извѣстно, такіе города—русскіе. и показываються они теперъ на небѣ, и, того гляди, сойдуть на сибирскую землю, и вся сибирская страна наполнится русскими людьми и русскими городами. Кучумъ, будучи мусульманиномъ, хоть и презиралъ шамановъ, но побаивался ихъ; говорилъ, что они врутъ, а самъ распрашивалъ объ огненной пальбѣ. Нашлись, которые видали ружье въ Перми и у Строгановыхъ, и говорили, что отъ грома его вреда не дѣлается никакого, а прошибаетъ только пулька,— что, все равно, и стрѣла вѣдъ равнѣ смертельно. Понялъ-ли, не понялъ-ли Кучумъ, только тотчасъ повѣстилъ, чтобы самоскорѣйше подымались и шли къ нему всѣ подвластные ему мурзы и уланы, и татары, и остяки, и другіе сибирцы. Самъ онъ залерся въ главноемъ своемъ юртѣ, въ городѣ, называемомъ Сибирь или Искеръ; а сыну своему или племяннику, доподлинно неизвѣстно, по имени Магметъ-Кулу назначилъ идти съ большой ратью на Ермака, и чтобы онъ старался уничтожить Русскихъ; «если-жь паче чаянія, не возьмешь силой, то тревожь и истребляй ихъ всѣми мѣрами, а главное старайся заманить ихъ на Иртышъ: тамъ же мы устроимъ засаду и всѣхъ перебьемъ ихъ навѣрное.» Этотъ Мегметъ-Кулу считался самымъ славнымъ сибирскихъ странъ богатыремъ: великанъ ростомъ, силы непомерной, онъ въ своихъ золотыхъ одеждахъ, отороченныхъ соболями, въ чешуйчатыхъ латахъ на груди и въ золотомъ шлемѣ съ орлиными крыльями, далеко видѣнъ былъ и между своею татарскою кошицею, а тѣмъ паче надъ малорослыми сибирцами, съ головы до ногъ одѣтыми въ звѣриныя шкуры.

Мегметъ-Кулу сталъ на Тоболѣ рѣкѣ, между Тавдою и Иртышемъ, и дожидалъ нашихъ, стараясь главное объяснить своему войску про ружейную стрѣльбу, чтобы ея не боялись; молилъ стоять крѣпко, потому что по сибирскимъ правамъ кто побѣдитъ, того и земля будетъ. и люди. Провѣдавъ, что

казаки недалеко отъ него высадились, послалъ онъ на нихъ впередъ свою конницу, а вслѣдъ за ней и пѣшее войско съ копьями и стрѣлами. Казаки встрѣтили ихъ выстрѣлами, изъ пушечекъ и ружей. Тѣ было дрогнули, но скоро опомнились, особенно татары; да и сибирцы ужь не падали отъ грома, а только разбѣгутся, да опять скучатся и стрѣляютъ изъ луковъ. Казаки кинулись на нихъ въ рукопашъ; сѣча была зла; но, видя паденіе многихъ своихъ, войска Мегметъ-Куловы не выдержали и побѣжали. У нашихъ тоже были и убитые, и раненые. Ермакъ поплылъ дальше внизъ по Тоболу, спѣша на Иртышъ, гдѣ Кучумовъ юрть. Дорогой былъ еще бой: разбили казаки Кучумова мурузу Карачу и взяли его юрть и богатую добычу—золота, припасовъ, меду,—и перетасили все на свои коломенки.

Разсказываютъ, что юрть этотъ взяли они хитростью. Попадѣвали чучель изъ соломы, надѣли на нихъ кафтаны и шапки,—и привязали въ лодкахъ, оставивъ при нихъ малое число людей, а сами тайно высадились на берегъ. Подошли лодки и стали противъ юрта. Высыпали татары на берегъ и стали пускать стрѣлы. Стрѣляютъ и дивуются, какіе это люди русскіе—крѣпкіе: стрѣлъ въ нихъ что въ снопики налѣплено, а они все невредимы стоятъ. Настоящіе же казаки тѣмъ временемъ зашли татарамъ въ тылъ, и вдругъ голкнули изъ ружей. Такъ юрть и взяли.

Мегметъ-Куль, между тѣмъ, не терялъ казаковъ изъ виду, по высокому берегу въ нѣкоторомъ разстояніи провожая ихъ своею конницею; гдѣ рѣка суживается между горъ, онъ засядетъ на горахъ за кустами, и сыплетъ внизъ на плывущихъ стрѣлы и камни. При впаденіи Тобола въ Иртышъ. Ермакъ счелъ, наконецъ, за нужное отдѣлаться отъ своихъ провожатыхъ, причалилъ къ берегу, храбро напалъ на нихъ и заставилъ бѣжать. Убитыхъ тутъ у насъ не было, но почти все казаки были уже ранены. Многие стали призадумываться.

Нужно было хоть гдѣ-нибудь остановиться отдохнуть; исходилъ второй мѣсяцъ ихъ похода, наступало 22 октября. Войдя въ Иртышъ, Ермакъ повернулъ внизъ по рѣкѣ; казаки скоро увидали какое-то старое городище, удобное для привала, и, не встрѣчая на всемъ Иртышѣ непріятеля, расположились въ городищѣ. Но это-то и была устроенная Кучумомъ засада. На это-то городище Кучумъ и рассчитывалъ. Онъ велѣлъ заблаговременно совѣмъ его очистить и оставить пустымъ. Вблизи же него стоитъ высокая гора Чувашева; на этой горѣ расположился самъ Кучумъ съ половиной своего войска; а другую половину, подъ начальствомъ Мегметъ-Кула, укрылъ онъ съ другой стороны городища, сдѣлавъ для того нарочно засѣку и обведи ее валомъ. Завиди казаковъ, Та тары притаились въ своихъ мѣстахъ. Казаки же ужъ вече ромъ исплыли къ городищу, стали въшщу варить и готовить себѣ ночлегъ, какъ вдругъ замѣчаютъ, что въ засѣкѣ людей—видимо-невидимо; свѣдавъ, что и на Чувашевой горѣ стоитъ самъ Кучумъ, и что они окружены всей его силой,—они, усталые и раненые, вдругъ впали въ страхъ и отчаяніе, собирались въ круги и требовали, чтобы ночью же садиться на суда и ѣхать назадъ. Есаулы стали было уговаривать, а имъ отвѣчали: «да вы посмотрите: ихъ, вѣдь, нехристей—тѣмы, а мы всѣ наперечетъ. Сколькихъ товарищей уже похоронили! Повнесла васъ нелегкая, по невѣдомымъ рѣкамъ—ужли-жь затѣмъ, чтобъ берега утыкать крестами надъ казацкими могилами? Погуляли, страху задали, добычи набрали, пора и честь знать, домой поворотить, чего еще дожидаться?» Слыша такія рѣчи, приуныли и есаулы, и старшіе по Ермакѣ атаманы, его помощники—Иванъ Кольцо да Иванъ Гроза. Ермакъ одинъ сидѣлъ поодаль, поглядывалъ на засѣку Мегметъ-Кулову и на круги своихъ казаковъ—и очень хорошо зналъ, о чемъ тамъ дѣло идетъ. Приходитъ и говоритъ ему Иванъ Кольцо и Иванъ Гроза, что

дѣло плохо, казаки бунтуются. «Пусть наговорятся, натѣшатся», отвѣчалъ Ермакъ. И давши имъ наговориться, повалъ онъ всѣхъ въ большой кругъ; вышелъ, поклонился и началъ рѣчь: «Что же, братцы, сказалъ онъ:—аль ужъ и впрямь приходится намъ бѣжать?»—«Да ужъ впередъ то, ва- жись, некуда; всѣ пути перехвачены», заговорили въ толпѣ. «Одно худо, продолжалъ Ермакъ:—время позднее, рѣки скоро стануть, до дому не догребемъ, придется зимовать въ глуши— Богъ вѣсть гдѣ и Богъ вѣсть какъ. Пожалуй, въ такомъ мѣстѣ замерзнемъ, гдѣ ни Татарва проклятая, ни Сибирь ихъ нѣм- щонная, ни Чудь заблудившая не подумали—теплыхъ хоромъ намъ не поставили и хлѣба не папахали... Одно только мѣсто для зимовки доброе я знаю—это Кучумовъ юрть, Сибирь горо- докъ... Стыдно вамъ, братцы, продолжалъ онъ съ негодова- ніемъ, —а еще казаки, православные христіане, какое помыш- леніе въ сердца свои непустили: усомнились въ помощи Гос- подней! Что на Пермь, да на Чусовой отъ этихъ поганныхъ нехристей церковей Божіихъ поругано да пожжено,—народу христіанскаго, русскаго, стариковъ и младенцовъ, помучено, да побито. Того ради Всемогущій Богъ мститъ имъ, окаян- нымъ, за кровь неповинную. Нешто мы воровать сюда при- шли? Слава Тебѣ Господи, отъ воровства великій обѣтъ дали отстать, царю и честнымъ людямъ, и всему христіанству по- служить попили, и крестъ дѣловали! Вспомните—какими сле- зами тогда плакали? Какіе обѣты выговаривали? Да всѣмъ намъ здѣсь помереть! а назадъ обратиться, страху ради и живота своего жалѣючи, намъ не можно: и срамъ и слова своего преступленіе! Ужъ мы души свои Господу Богу заложил- ли, и Его волею идемъ; а что насъ мало, непріятелей же множество,—то вѣдь не отъ многихъ воевъ побѣда бываетъ, но свыше отъ Бога помощь дается; можетъ и безпомощнымъ Богъ помочь; и насъ не покинетъ Онъ, видя сердца наши— чисты и дерзновенны; уповайте на Него твердо, и памятуйте,

что дастъ Господь, постоимъ крѣпко,—то и по смерти нашей память наша не оскудѣетъ въ сихъ странахъ, и слава объ ней пойдетъ во вѣки.»

Не дали Ермаку дальше говорить; выходили вперёдъ ата-маны и есаулы храбрые: Иванъ Кольцо да Иванъ Гроза, Мещерякъ Матвѣй, Никита Панъ, и другіе; всѣ говорили: «всѣ мы готовы умереть за свята Божія церкви, за вѣру православную пострадать, царю послужить. Постоимъ всѣ до единого противъ поганныхъ, твердо до крови и до самой смерти. Всѣ на томъ и стоимъ за одну душу.»

«Такъ, такъ, заговорилъ казацкій кругъ,—ужь во всемъ на тебя, Ермакъ Тимофѣевичъ, полагаемся; ты, извѣстно, человекъ не намъ чета. Безъ тебя давно-бъ ужь намъ всѣмъ пропасть.»

Похвалилъ Ермакъ такія рѣчи, и велѣлъ потомъ отслужить молебенокъ. И вынесли попы крестъ и Евангеліе, аналойчикъ поставили, засвѣтили свѣчки... и ужь ночь сіяла всѣми своими звѣздами, когда казаки сторожей разставили, а сами полегли соснуть, крѣпкіе духомъ на завтрашніе подвиги.

И на утро, какъ только огъ солнца освѣтило блиста-ніемъ свѣтлыя облака, вывелъ Ермакъ свою дружину изъ городища и указалъ на засѣку. «Съ нами Богъ!» крикнули казаки яко едиными устами, дали залпъ и побѣждали на приступъ; Татары выпустили тучу стрѣль. Многіе изъ нашихъ попадали, другіе замялися; видя то, Татары въ трехъ мѣстахъ разломали сами засѣку и кинулись всею аравою, думая взять множествомъ—и въ тѣснотѣ не дать стрѣлять изъ ружей. Тутъ-то проявилась сила богатырская, бой пошелъ па жизнь и смерть; топоры и сабли въ ходъ пошли; дрались въ рукопашную,—на одного казака приходилось по десяти, по двадцати, по тридцати человекъ. Ермака Богъ хранилъ, а съ нимъ у всѣхъ удесятерилась сила: вездѣ по-

спѣвать онъ во-время; отъ одного его вида толпа разбѣгалась... Но столбъ Кучумова царства, душа его войска—надломилась: палъ храбрый Магметъ-Куль, раненый: едва успѣли отбить его, еле жива, и отвезть за Иргышъ. Разстроились его Татары и побѣжали; остяцкіе князьки, стоявшіе у Кучума, вмѣсто того, чтобы поддержать Татаръ, повернули коней и отвели войска восвоися. Остался Кучумъ одинъ на горѣ съ немногими приближенными, стоялъ какъ ошеломленный, горько заплакалъ и побѣжалъ. Добѣжалъ онъ до столицы своей, гдѣ царствовалъ сорокъ лѣтъ, захватилъ кое-что изъ сокровищъ, и устремился на старости лѣтъ въ скитальческій путь, съ сокрушеніемъ промолвивши: «нѣтъ такой радости, которая бы потомъ не сложилась на печаль». Скитаясь по степямъ, въ горѣ, онъ потомъ ослѣпъ.

Побѣда Ермака была полная, хотя досталась не дешево. Пятая часть всей дружины его, сто семь воиновъ, полегла въ этомъ бою. Но Ермакъ не хотѣлъ терять времени и дать врагамъ опомниться. На другой же день пошелъ къ Кучумовой столицѣ: она была отъ Чувашевой горы всего въ шестнадцати верстахъ. Шли безъ боязни, но приближаясь къ городу, и не слыша оттуда ни голоса, не видя ни лица человѣческаго, усомнились—не кроется ли тутъ какое лукавство. Осторожно начали казаки входить въ городъ и увидѣли, что юртъ совсѣмъ пустъ. Видно было—люди пометались изъ него въ переполохъ: все ихъ богатство тутъ валялось, золото, серебро и каменья дорогіе, и ткани золотыя, и куньи и соболья мѣха, и всякія явства педоѣденныя. Увѣрясь, что лукавства никакого нѣтъ, Ермакъ велѣлъ служить благодарственный молебенъ, съ крестами и святой водою обошелъ вокругъ города, посвящая его истинному Богу, и поздравилъ товарищей съ доброю зимовкой.

Отдохнули наши молодцы, поустроились въ городѣ. Три дня прошли тихо и мирно. На четвертый день показались

остяцкіе князьи, подѣхали, выложили Ермаку богатые дары и запасовъ, и били челомъ принять отъ нихъ присягу на вѣрность. За ними стали приходять жители съ семьями своими, присягали Ермаку—и онъ приглашалъ всѣхъ ихъ жить по прежнему въ городѣ. Городъ оиать наполнился людьми. Ермакъ скоро всѣмъ полюбілся, всѣмъ подъ нимъ житье было безобидное. Въ дружинѣ его съ изначала заведенъ былъ порядокъ и послушаніе. Всяко дѣло студное наказывалось строго. Атаманы Иванъ Кольцо да Иванъ Гроза были у него помощниками. Все войско раздѣлялось на сотни; у каждой сотни было свое знамя, украшенное святыми образами; сотнямъ начальствовали есаулы. Подъ ними были пятидесятники и десятники. Туземцы стали даже радоваться, что избавились отъ Кучума. Кучумъ былъ въ той сторонѣ пришедшій царь, родомъ татаринъ; прежнихъ владѣтелей онъ побѣдилъ и самъ сѣлъ на ихъ мѣсто. Изъ дальнихъ улусовъ всю зиму на оленяхъ и собакахъ прїѣзжали остяцкіе и вогульскіе, и всякіе другіе сибирскіе владѣтели къ Ермаку, и тоже вступали въ подданство. Самъ Магметъ-Куль, выздоровѣвшій отъ ранъ, попался въ плѣнъ; Ермакъ держалъ его подъ крѣпкою стражею, по честилъ и обходился съ нимъ дружески. Весною, какъ только прошли рѣки, Ермакъ пошелъ въ походъ внизъ по Иртышу до самой Оби—и гдѣ мирно, гдѣ боемъ привелъ всю страну подъ власть свою. Когда онъ возвращался назадъ, шествіе его было торжественное. На лодкахъ его играла музыка. У него были барабаны, сиповки, литавры и трубы. Казаки были одѣты въ праздничные кафтаны; все обшито было золотомъ. Жители выходили къ нему на встрѣчу, надали нищъ, выносили ему дары, куньи и собольи мѣха, просили его суда и славили его судъ... Обширныя земли были подвласны Ермаку; многіе народы несли ему дань; вѣнецъ Кучумовъ былъ въ его рукахъ... Ермакъ могъ бы возложить его себѣ на голо-

ву... Всякой вольницы изъ Россіи, съ Волга и съ Дону, къ нему потянуло бы множество, и былъ бы онъ силенъ и славенъ, и повелѣвалъ бы народами... Такъ бы и сдѣлалъ иной — только не русскій человѣкъ.

Куда бы ни зашелъ русскій человѣкъ, какою бы славою ни возвеличился, или какою бы дурь на себя ни напустилъ — онъ только о святой Руси и думаетъ, и сердце его отъ нея не отрывастся.

Принималъ Ермакъ эти почести — а думалъ о другомъ. Молча и подолгу поглядывалъ онъ въ ту сторонушку, гдѣ Русь православная: все то тамъ живетъ честной народъ... для него же тамъ, на великой Руси, поставлены, стоятъ-дожидаются — два столбика съ перекладипкой, на ней петьелька шелковая. . Хоть полсвѣтомъ завладѣй, все онъ тамъ — воровской казакъ, государевъ измѣнникъ. Такъ, въ царскомъ указѣ объ немъ сказано, пятно на имячко его крестное положено: это-то пятно и прожигало его душу, а смыть его могло тоже — только слово царское.

Воротился Ермакъ изъ похода, позвалъ попа, заперся въ своей земляночкѣ, карауль поставилъ, чтобъ никто къ нему не входилъ, и велѣлъ попу писать. Самъ ходить по земляночкѣ, а попъ со словъ его пишетъ къ царю грамоту, — гдѣ о себѣ Ермакъ ни слова не говоритъ, и ничего не указываетъ, чтобы дѣлать государю. «Всемилюсваго, въ Троицѣ славимаго Бога изволеніемъ, Пречистыя Его Матери и Святыхъ Угодниковъ и Чудотворцевъ Россійскихъ заступничествомъ, и тебя Государя, Царя и Великаго Князя Іоанна Васильевича ко всецедрому Богу праведною молитвою и твоимъ государевымъ счастіемъ, царство Сибирское взяли и царя Кучума съ воями его побѣдили; и подъ твою высокую руку покорили многихъ живущихъ въ Сибири инородцевъ, татаръ, остяковъ и вогуличей; и къ присягѣ ихъ привели, что бы быть имъ подъ твоею государскою высокою рукою, до вѣ-

ку, покамѣсть Богъ изволить вселенной стояти; и чтобы имъ ясакъ давати тебѣ, великому Государю, безпереводно. А на русскихъ людей имъ зла никакого не мыслить; а которые похотятъ въ твою службу государскую, и тѣмъ служить прямо; недругамъ твоимъ государевымъ ни въ чемъ не спускать, и самимъ не измѣнять; къ царю Кучуму и въ иныя орды и улусы не отъѣзжать, и во всемъ правомъ постоянствѣ стоять.»

Велѣлъ онъ написать и другую грамоту—свои слова къ именитымъ людямъ Строгановымъ, увѣдомлялъ ихъ о дѣлахъ своихъ, и просилъ переправить съ его грамотой посланца къ самому царю въ Москву. Написавши грамоты, позвалъ онъ атамановъ и есауловъ своихъ и спросилъ: кому ѣхать въ Москву передъ грознаго царя, за воровскія дѣла отвѣтъ держать и бить челомъ царствомъ Сибирскимъ?»

«Кому же ѣхать, какъ не мнѣ,» вызвался Иванъ Кольцо, Ермаковъ ближайшій другъ: «имя мое великому государю свѣдомо; въ царскомъ указѣ написано; велѣлъ меня сыскать великій государь: самъ приду, свою голову принесу, а отъ тебя дорогой подарочекъ.»

Поѣхалъ Иванъ Кольцо съ пятьюдесятью казаками. Остались Ермакъ съ товарищами дожидать, что велитъ имъ сказать великій государь.

Иванъ Кольцо пріѣхалъ въ Москву въ самое печальное время. Только что заключенъ былъ съ Польшею миръ. По этому миру царь потерялъ всѣ свои завоеванія въ Ливонской землѣ, берега Балтійскаго моря, столь для Россіи необходимыя, и Полоцкъ, и другіе города. Мраченъ былъ грозный царь. Это былъ уже не тотъ красивый юноша, что ровно тридцать лѣтъ тому назадъ бралъ Казань. Онъ уже постарѣлъ и хворалъ, подозрѣвалъ, что окруженъ измѣною бояръ. Послѣ московскаго пожара, послѣ его покаянія и рѣчи на Лобномъ мѣстѣ, когда всѣ подданные его проливали слезы умиленія, и

простили всё другъ другу вины свои, — онъ думалъ что всё, вмѣстѣ съ нимъ, перемѣнились къ добру; и точно, приблизились къ нему тогда совѣтники умные и люди рагнаго дѣла храбрые, которые славно казанскій походъ справили, и всё казались государю преданы и готовы служить ему не жалючи живота своего. Но по возвращеніи же изъ-подъ Казани съ царемъ случилось событіе, дозволившее ему, такъ-сказать, заглянуть въ душу всѣхъ его окружавшихъ: онъ заболѣлъ огненною болѣзнію, то есть горячкою. Всѣ думали, что ужъ онъ кончается; онъ самъ приготовился къ смерти и приказывалъ царство младенцу сыну своему. Но почти всѣ его вельможи и совѣтники не захотѣли присягать младенцу, боясь неурядицы при малолѣтнемъ царѣ, а выбирали на престолъ царскаго двоюроднаго брата Владиміра Андреевича, уже показавшаго умъ и храбрость при взятіи Казани. Три дня вокругъ постели умирающаго царя спорили, кричали и ругались. На царя уже никто не обращалъ вниманія, словно его тутъ не было. Жадные власти бояре словно сияли съ себя личины свои, выказали всѣ свои затаенныя желанія. Царь все слышалъ, все видѣлъ,—и вдругъ ему стало легче: онъ выздоровѣлъ, словно изъ мертвыхъ возсталъ. Ничего онъ не сказалъ, когда поправился; во подозрѣніе залегло въ его душу противу всѣхъ его окружавшихъ: онъ помнилъ, что каждый говорилъ и дѣлалъ въ то время, когда почиталъ царя уже умершимъ. Еще восемь лѣтъ тайлся онъ, пока жила первая супруга его, кроткая царица Анастасія, изъ роду Романовыхъ; ее онъ называлъ своею юницею, любилъ до безумія, чувствуя, что только подлѣ нея, какъ подъ крыломъ тихаго ангела, отдыхала уязвленная душа его и воспламенялась ко всему доброму и великому. Скончалась «юница» его—и царь вдругъ почувствовалъ себя одинокимъ посреди людей, которые когда-то при немъ, во время его болѣзни, поносили царицу и отвергали ее отъ соправительства

малолѣтнему сыну. Все это вспомнилось ему еще живѣе при видѣ ея бездыханнаго трупa, — и, указывая на покойную, онъ, въ изступленіи горести, говорилъ боярамъ: «радуйтесь радуйтесь, нѣтъ ужъ той, которую вы ненавидѣли! А за что вамъ негодна была? За то ли, что Богъ, при пей, видя ея ангельскую кротость и чистоту голубиную, намъ славу и побѣду подавалъ, и со смертнаго одра насъ воздвигъ, сиротства ея жалѣючи?..» У самыхъ лучшихъ людей есть всегда завистники; нашлось много и тутъ такихъ, которые думали воспользоваться горестью царя, чтобъ избавиться отъ супротивныхъ имъ, — и стали царю напентывать, что Анастасія умерла отъ отравы... Мать царя тоже нѣкогда скончалась отъ яду... Царь повѣрилъ и рѣшилъ истребить враговъ своего рода: пачались въ Москвѣ опалы и казни... И жизнь самаго царя пошла самая ужасная. Новые приближенные старались ему доказать, что только они ему вѣрны и постоянно пугали его измѣной и лихими умыслами людей имъ неугодныхъ, дабы погубить ихъ; сами же льстили царю и тѣшили его, пробудили въ немъ привычки дѣтства его, — и онъ предался всѣмъ ихъ злокозненнымъ боярскимъ обычаямъ, къ которымъ навыкъ отъ юности своея... Правда, продолжалъ царь имя свое передъ иностранными государями честно и грозно держать, о державѣ россійской и о всемъ христіанствѣ радѣть; продолжалъ онъ давать посламъ своимъ мудрые наказы, и дивилъ умомъ и знаніями даже самыхъ хитрыхъ папскихъ посланныхъ, препирался съ ними о вѣрѣ; не нарушилъ ничего изъ своего мудраго земскаго устроенія, по прежнему хотѣлъ правды, казнилъ лихоимцевъ; самъ какъ Соломонъ творилъ судъ народу, и народъ славилъ его судъ, — но тутъ же, при неудачѣ, вдругъ падалъ духомъ, пугался и готовъ былъ унижаться; вдругъ опалился и губилъ по одному непоправившемуся ему взгляду, губилъ людей, цѣлые роды, города. гдѣ полагалъ измѣну. Чтѣ въ счастье — милость къ

себѣ Господню, а въ бѣдѣ — казнь за свои прегрѣшенія, — онъ постоянно самъ надъ собой произносилъ строгій судъ: въ сей жизни самъ непрестанно судилъ себя, помня образъ христіанскаго царя, какъ онъ долженъ быть и какимъ онъ самъ тринадцать лѣтъ быть старался, — помня страшный отвѣтъ, который долженъ онъ дать Богу и за судьбу царства своего, и всего христіанства, и за кровь, имъ проліянную, — отвѣтъ какъ царя и какъ чело­вѣка. Тогда, изчисляя всѣ свои прегрѣшенія, называя себя окаяннѣмъ, кровопійцею, чревоугодникомъ и «псомъ смердящимъ», онъ жаждалъ совѣмъ оставить міръ, принять постриженіе и схиму; уѣзжалъ въ самыя отдаленныя монастыри; жилъ тамъ въ покаяніи, постѣ и молитвѣ; самъ писалъ имена имъ казненныхъ и съ богатыми вкладами оставлялъ для вѣчнаго поминовенія. Отъ душевныхъ мукъ своихъ онъ получилъ падучую болѣзнь... Несчастнѣйшій ко­нецъ Ливонской войны, разрушившій его великіе для Рос­сіи замыслы, повергъ его въ скорбь, казалось, безысход­ную. Вся Москва грепетала, словно передъ бурей...

И вдругъ докладываютъ царю, что пріѣхалъ гонецъ отъ Строгановыхъ и съ нимъ какіе-то казаки изъ Сибири.

Обыкновенно государь принималъ гонцовъ самъ, сидя на креслахъ, а кругомъ его по лавкамъ — бояре. Вводятъ Ивана Кольцо съ товарищами. Они пали передъ государемъ на землю, какъ преступники; Иванъ Кольцо положилъ себѣ на голову грамоту. Царь велѣлъ дьяку взять, распечатать и читать грамоту. Дьякъ прочелъ. Государь велѣлъ Ивану Кольцо встать, и все дѣло рассказать — и что они за люди. И повѣдалъ Кольцо, безъ утайки, всю правду истинную, что они тѣ самыя воровскіе казаки, о которыхъ писано въ царскихъ указахъ, и какъ они пришли къ Строгановымъ, и какъ въ Сибирь пошли, и прочее. И объ Ерма­кѣ все доподлинно рассказалъ. Царь выспрашивалъ все до

мелочи. Иванъ Васильевичъ не пропускалъ случая кольнуть бояръ своихъ измѣною нѣкоторыхъ изъ нихъ, и тутъ вышелъ ему поводъ сказать имъ: «вотъ вамъ примѣръ; и незнатнаго рода люди, простые казаки; я ихъ казнить велѣлъ—они же не побѣжали служить моимъ недругамъ, а попли на меня же работать, царство мнѣ покорили, чтобы я только снялъ съ нихъ вины ихъ старья.» И, обратясь къ казакамъ, объявилъ, что всѣ вины ихъ онъ съ нихъ сымаетъ, и за службу жалуетъ великимъ своимъ государевымъ жалованьемъ. «А къ храброму воеводѣ нашему, заключилъ онъ, — князю сибирскому Ермаку Тимофѣевичу, помощь пошлю и велю отписать къ нему мою царскую грамоту.» И допустилъ онъ казаковъ къ рукѣ, и одарилъ ихъ, и велѣлъ ихъ продовольствовать съ царскаго стола. Потомъ всталъ съ кресель — поднялись и бояре—и приказалъ государь тотчасъ же служить въ Успенскомъ соборѣ молебень, и по всей Москвѣ, и по всему царству звонить въ колокола и объявить народу, что Богъ въ милостяхъ своихъ къ нему не оскудѣваетъ, послалъ державѣ Россійской великое приращеніе: третье мусульманское царство—Сибирь покорила скипетру христіанскаго царя. И великое было на Москвѣ ликованіе.

На помощь Ермаку отряженъ былъ князь Болховской и съ нимъ пятьсотъ стрѣльцовъ. Казакамъ царь послалъ денегъ, суконъ, камки; Ермаку — шубу съ своего плеча, двѣ брони, серебрянный кубокъ, и въ милостивой грамотѣ своей, назвавъ его княземъ сибирскимъ, поручилъ ему главное распоряженіе и начальство надо всею покоренною страню. Плѣннаго Мегметъ-Кула велѣлъ прислать въ Москву.

Радость казаковъ была неописанная, когда воротился Иванъ Кольцо съ царскими милостями. Но Ермаку не долго пришлось ими пользоваться. Онъ попалъ таки въ засаду къ Кучуму. Кучумъ распустилъ слухъ, что къ казакамъ идутъ бухарскіе купцы. Ермакъ вышелъ съ пятьюдесятью казаками

имъ для прикрытія. Купцовъ на сказанномъ мѣстѣ не нашли и расположились на островку, на Иртышѣ, ночевать. Ночь была бурная, вѣтеръ вылъ, рѣка шумѣла. Казаки спали богатырскимъ сномъ. Кучумъ переправился черезъ рукавъ рѣки, напаль—и сонныхъ перерѣзалъ казаковъ. Ермакъ вскочилъ было на крики, бросился къ судамъ своимъ, отмахиваясь саблей, перепрыгивая съ лодки на лодку, остунился и упалъ въ бурную и глубокую рѣку; тяжелая царская броня была на немъ—и была причиной его гибели.

Какъ умеръ Ермакъ—тутъ-то и оказалось что это былъ за человекъ. Стрѣльцы и казаки остались безъ него, какъ безъ головы. Душа всего дѣла — исчезла. Иванъ Кольцо не задолго передъ тѣмъ былъ убитъ измѣною. Никита Панъ, Иванъ Гроза, тоже погибли. Оставшіеся, какъ овцы безъ пастыря, казаки и стрѣльцы устрашились. Думали ужъ только о томъ, какъ бы уйти въ Россію. Оставшійся въ живыхъ одинъ изъ Ермаковыхъ атамановъ, Матвѣй Мещерякъ, повелъ ихъ къ Строгановымъ...

Но ужъ путь въ Сибирь былъ указанъ: царскія войска уже двигались туда. Мещерякъ встрѣтилъ ихъ на дорогѣ—и слѣпой Кучумъ недолго процарствовалъ въ занятой имъ вновь столицѣ своей, на казацкихъ могилахъ. Какъ сказалъ когда-то Ермакъ взбунтовавшимся казакамъ: «постоимъ крѣпко, и память наша не оскудѣетъ въ сихъ странахъ, и слава объ насъ пойдетъ во вѣки»—такъ и сбылось. Имя Ермака стоитъ надо всею сибирскою страной, живетъ тамъ въ названіяхъ урочищъ, живетъ по всей Руси въ пѣсняхъ народныхъ. Оно съ измала любезно намъ всѣмъ и каждому, ибо знаменуетъ великаго, но притомъ чисто русскаго человекъ, который,—соединяя въ себѣ умъ, богатырскій духъ, могучую волю, съ дивной благостью душевной, — совершилъ, въ простотѣ сердца, великія дѣла, единственно для очистки совѣсти своей передъ царемъ и всѣмъ православнымъ людомъ,

въ прославленіе имени русскаго и на возвеличеніе державы
россійской.

Смерть Ермака приключилась въ одинъ годъ съ кончи-
ною царя Ивана Васильевича Грознаго въ 1584 году. Толь-
ко царь скончался 18 марта, а Ермакъ погибъ 5 августа.
Въ Tobольскомъ синодикѣ до сихъ поръ поминаются имена
всѣхъ его казаковъ, первыхъ покорителей Сибири.
